

Полынь и мёд

Автор:

Лина Манило

Полынь и мёд

Лина Манило

Мне «повезло» познакомиться с мужчиной, для которого не существует слова «нет». И судьба, словно издеваясь, постоянно сталкивает нас. И я сдалась под его напором, но есть одно «но»: моя младшая сестра влюблена в него и не собирается отступать.

Содержит нецензурную брань.

Лина Манило

Полынь и мёд

Пролог

Уходя из твоей жизни навсегда, я оставлю включённым ночник в прихожей. Ты ведь любишь, чтобы свет в квартире горел круглые сутки – детский страх, который навсегда поселился в тебе.

Ты такой большой и сильный, такой смелый и красивый, боишься темноты. Знает ли кто-то ещё, кроме меня, об этом? Рассказывал ли ты кому-то ещё – тем, кто был в твоей жизни до меня, тем, кто будет после и есть сейчас? Я буду верить, что нет – буду верить, что это лишь наша с тобой тайна, то сокровенное, что ты

приберёт только для меня.

Вера в хрустальные мосты и воздушные замки – единственное, что я оставляю себе на память о тебе, моя пропитанная полынью любовь.

Позволишь мне это?

Я глупая, очень глупая, но я всё ещё люблю тебя. Разве это не смешно? Странная шутка судьбы, которая столкнула нас однажды, подарившая нас друг другу.

В последний раз осматриваю комнату, в которой когда-то жило счастье. Наше горькое полынное счастье с медовым привкусом на губах. Сжимаю пальцы на ручке чемодана, который вдруг кажется неподъёмным. Он переполнен нашими воспоминаниями и моей болью, забит ошибками и украденными у судьбы шансами. И вроде бы к днищу его приделаны удобные колёсики, и ехать должен быстро – только тяни за собой, убегая, но мне всё равно тяжело. Будто бы кто-то намеренно удерживает здесь – в стенах квартиры, в которой не хочу и не могу уже больше оставаться. Не имею права.

В квартире, в которой каждая мелочь напоминает о тебе, мне не хватает кислорода. Куда ни посмотри, кругом ты. Во всех деталях и лёгком колыпании занавесок, в свете настольной лампы и бликах на экране выключенного телевизора, в узорах на обоях и каплях дождя за окном, в тенях и образах – я везде вижу тебя. Это моё личное, остро пахнущее безумие, которое я храню в себе. Как напоминание, что всё ещё жива.

И кажется, что никуда мне от этого не деться, как ни убегай. Там, за стенами опустевшей квартиры я тоже буду видеть во всём и всех тебя. И уже ничего не смогу с этим сделать, не сумею избавиться. Я лишь научусь не обращать на боль внимания, привыкну. Смогу же? Наверное.

Ты, бывший ветром в моих парусах, кровью в моих венах, в дыхании самой жизни – ты и был этой самой жизнью.

Дёргаю ручку двери, намеренно не беру с собой ключи, потому что боюсь однажды снова сюда вернуться – в дом, в котором меня перестанут ждать. Боюсь открыть дверь и увидеть за ней чужое счастье. Оно обязательно убьёт меня, обязательно. Потому ключи остаются внутри, а замок за спиной чуть

слышно щёлкает, и щелчок этот, будто бы сигнал к новой, совсем другой жизни.

На кухонном столе, под блюдом с твоими любимыми яблочными пирогами, лежит письмо. Оно твоё, оно для тебя – то небольшое, что я решилась сделать, чтобы оставить хоть какой-то след в твоих мыслях. Я надеюсь, ты прочтёшь его.

А лучше нет, не читай. Порви его, выбрось! Развей по ветру жалкие клочки моей любви. Так будет правильнее, так будет вернее.

Слова, которые я писала для тебя всю ночь, выкурив при этом пачку сигарет, огнём под моей кожей. Они текут по венам, обжигают их серной кислотой, разрывают меня на части изнутри, но мне так хотелось рассказать тебе обо всём, что было важно. Обо всём, чем наполнены мои мысли, обо всём, что заменило мне воздух с первых мгновений, как я встретила тебя.

Возможно ли любить кого-то сильнее? Вряд ли.

Касаюсь рукой прохладной стальной обшивки двери, провожу по ней в последний раз, каждой порой впитываю память, а сердце гулко стучит о рёбра, причиняя боль. Когда-нибудь я научусь с этим жить, когда-нибудь мне обязательно станет легче.

Прости меня, моя горькая любовь, мой полынный мужчина.

Я отпускаю тебя. Я наконец-то отпускаю тебя. Лети.

Глава 1

Ксения.

За полгода до...

– Ты с ума сошла? Никуда я не пойду! – отрезаю я категорически, но сестра в молебном жесте складывает руки на груди и заглядывает в мои глаза

настолько жалобно, что способен дрогнуть даже Эверест. Но не я, я кремень! – Света, нет! У меня работы много, мне отчёт завтра сдавать. Не до твоих глупостей, честное слово.

Я из последних сил держу оборону, потому что работы у меня, в самом деле, вагон и ещё горка рядышком, и нет времени ехать через весь город ради воплощения безумной идеи младшей сестры.

Но Света всегда была упорной. Даже в глубоком детстве она умела добиваться поставленных целей любыми способами.

Сестра оплетает меня виноградной лозой, обнимает за плечи, почти душит в объятиях, будто бы, если я сейчас задохнусь, это как-то ей поможет. И в довершение всему ещё и жарко шепчет на ухо:

– Ну, Ксюша, ну, пожалуйста! Ты же такая лапушка, такая зайка, любимая моя сестрёнка, – разливается соловьиной трелью, самым наглым образом растапливая моё сердце. – Мне одной идти неловко как-то. Ещё решит, что я ради него туда хожу.

И почему я должна волноваться, что там себе надумает посторонний мужик? Других проблем, что ли, не существует? Но я мягкотелая, наверное, если дело касается сестры. Вот любого отшить способна, только не Светку.

Хорошо, что она любит меня, и пользуется моей добротой лишь в самых крайних случаях, а то бы беда какая-нибудь случилась, точно говорю.

– А разве нет? Не ради него туда ходишь? – бью точно в цель, а Светка стремительно краснеет и сдувает упавшую на лоб светлую прядь. Та, лёгкая точно пушинка, взлетает, чтобы через пару секунд снова упасть на глаза.

У сестры прекрасные волосы – от природы очень светлые, редкого платинового оттенка, длиной до поясницы. Они стекают вниз серебристой рекой, и стоит Свете взмахнуть своей гривой, как мужчины в немом оцепенении готовы идти за ней хоть на край света, хоть в жерло вулкана.

– Разве да, но мне всё равно неудобно. Я же всё-таки гордая девушка. –
Передёргивает плечом, нахмурившись, и чуть не топает ногой от досады. –
Приличная, а приличным неудобно в одиночестве за мужчинами следить.

– Правильно, сестра, вдвоём куда удобнее.

Хочу что-то ещё добавить, возразить, но Света не даёт – перебивает, захлёбываясь словами и восторгами:

– Я и так туда каждый день хожу, смотрю не него. Пойдём со мной хоть разок, пожа-а-алуйста. Я уверена, ты сразу меня поймёшь, когда увидишь его. Вот сразу же!

Тяжело вздыхаю, пытаюсь оторвать от себя прилипчивую младшую сестру, но она репейником ко мне прилипла. Знает же, хитрая, что не сумею ей отказать, если в том же духе продолжит.

– То есть ты предлагаешь мне, старой больной женщине, поехать к чёрту на рога, чтобы якобы заняться спортом? – спрашиваю обречённо, отлично понимая, что проиграла эту войну по всем фронтам.

Светка тоже прекрасно понимает, что моё сопротивление окончательно треснуло по швам. Взвизгивает, звонко целует меня в щёку и принимается радостно скакать вокруг, изображая северного шамана. Горная коза, не иначе. Ещё и влюблённая до беспамятства.

– Мы только глазком на него посмотрим, только одним глазочком, я тебе обещаю!

Этот таинственный он – человек, в которого влюблена моя сестра вот уже целый месяц. Влюблена до потери самообладания, и это меня пугает порой. Света всегда была спокойной и хорошей девочкой, и эта внезапная любовь меня настораживает. Уж слишком необычно ведёт себя Света.

– Не могла влюбиться в кого-нибудь, кто качает свои мышцы поблизости? – ворчу я, действительно ощущая себя старой и больной женщиной, хотя мне всего двадцать пять и ничего, как говорится, не предвещает.

Но, если уж совсем честно, мне жутко любопытно, что там за мачо такой украл сердце моей сестры, которая даже актёрами никогда не интересовалась, а на любых поклонников фыркала высокомерно, находя смысл жизни в учёбе. А поклонников у этой красавицы с младшей группы детского сада было столько, что хоть засаливай.

– Ты хоть знаешь, как его зовут? – Я раздвигаю дверцы шкафа-купе в поисках подходящей для похода в спортивный клуб одежды, а внутри копошится протест, природу которого не могу понять, хоть убейся. – Или издалека вздыхаешь?

Что-то меня беспокоит, но я никак не могу разобраться в своих ощущениях. Какое-то странное предчувствие. Я привыкла доверять своей интуиции, но впервые за всю жизнь у меня не получается понять, отчего буквально воют все мои рецепторы, а на сердце будто бы камень тяжёлый лежит.

Света, уже облачённая в стильный спортивный костюм, выгодно подчёркивающий выдающиеся формы и осиную талию, подпрыгивает на месте, танцуя и периодически виляя выпуклым филеом.

– Рома его зовут, я выяснила. Ро-о-ома, Рома-а-ан... – мечтательно растягивает слоги в имени возлюбленного, машинально запускает руку в волосы, и её фантастические локоны, предмет зависти всех подружек, распадаются по плечам. – Ой, Ксюша, ты даже представить себе не можешь, какой он красивый... Греческий бог!

Этого нам и не хватало.

– В глаза живьём ни одного греческого бога не видела, – снова ворчу, извлекая леггинсы и топ на свободу.

Терпеть не могу спорт, у меня ничего не получается обычно, и я часто выгляжу глупо, но сестринский долг зовёт. Да и греческий бог с ним, я же туда не знакомиться с кем-то иду, не женихов себе искать, а просто поддержать Светку в её безумной затее ещё раз посмотреть на любовь всей своей недолгой жизни.

Вот бы она быстрее набралась смелости и познакомилась с ним или как-то его, что ли, спровоцировала, а не то моё терпение лопнет.

– Мы с ним пару раз в витаминном баре пересекались, он такой... – закатывает голубые глаза к потолку, мигом растеряв все слова, чтобы нормально мысль сформулировать. – Такой галантный: улыбнулся мне, стул отодвинул... В общем, я в восторге!

Господи, как мало нам, женщинам, для счастья надо. Улыбнулся возлюбленный, а мы его автоматически уже на пьедестал водружаем, любые достоинства готовы приписать. Даже простую вежливость в виде отодвинутого для дамы стула воспринимаем, не иначе как поступком героя всех войн вместе взятых. Будто бы этот Роман Светке голову дракона на блюде приволок, не меньше.

– Оно и видно, совсем поплыла от красоты его неземной. – Срываю с вешалки мастерку, которую вообще не знаю, зачем купила однажды. Но, ты гляди, пригодилась даже. – Хоть бы поговорила с ним, узнала получше. Вдруг он быдло какое или уголовник. Мало ли.

Я не могу не тревожиться о Светке, потому что она младше на пять лет, и я всегда чувствовала за неё ответственность. Сестра – самый близкий мне человек, и для её счастья я готова на многое.

Даже отправиться вечером в фитнес-клуб.

– Ой, у меня же есть кое-что! – спохватывается сестра, протягивая мне свой телефон.

На экране фотография, а на ней широкоплечий мужик повёрнут к камере спиной. Вроде пресс качает, судя по закинутым за голову рукам. Весьма мускулистым рукам, нужно отметить. Качество фото оставляет желать лучшего, и толком ничего рассмотреть не получается, но внушительные габариты спортсмена узреть и этого хватает.

Он очень крупный, очень.

Терпеть не могу качков. В мужике самое сексуальное – его мозги, а вот все эти кубики и многократные отжимания можно на второй план отодвинуть.

Впрочем, не я же в него влюблена, пусть хоть его пресс будет, как стиральная доска – меня это не касается.

– Это он! – объявляет сестра, а я хмыкаю, возвращая ей телефон. – Правда же, он потрясающий?

Неопределенно пожимаю плечами, потому что на фотографии ничего, кроме спины и коротких волос на затылке, не увидела. Но Светке и не нужен мой ответ, потому что она явно уплыла в мир истерических грёз, где ей хорошо наедине со своими миражами.

Я уверена, что если бы это фото можно было взять в руки, Светка давно уже протёрла в нём дыру.

– Нет, правда, я вот прям чувствую, что именно он – моя судьба!

Слышать подобные горячие заявления от неё непривычно, и мне даже хочется потрогать её лоб. Вдруг заболела? Вдруг у неё Эбола, а я и не замечаю. Но с другой стороны когда-то же и она должна была влюбиться, правильно? Так почему бы и не в парня из спортивного клуба? Может быть, он, в самом деле, чудесный человек, а я лишь зря себя накручиваю.

– Я тебя не узнаю, – замечаю, когда мы после напутственных слов мамы выходим из подъезда. – Просто светишься вся.

– Любовь, Ксюша, делает нас сумасшедшими.

Кто бы сомневался, что именно таким будет её ответ.

– По-моему, кто-то статусов в социальных сетях перечитал, – скептически хмыкаю, осматривая с ног до головы возбуждённую сестру.

Светка смеётся, и мы бежим к автобусной остановке, а по спине меня больно бьёт увесистая спортивная сумка.

И хоть мне совершенно не нравится перспектива тратить вечер на чёрт знает что, но так уж и быть, составлю компанию, не рассыплюсь. Заодно и на предмет

Светкиной любви гляну – нужно же понимать, что там за греческий бог так прочно поселился в мыслях моей неромантической сестры.

Глава 2

Автобус останавливается в тихом микрорайоне почти в самом центре, и кроме нас с сестрой больше никто и не выходит. Апрель нынче пахнет надеждами, и в воздухе дымкой витает предвкушение перемен. Крутых виражей и неожиданных поворотов судьбы я не жду – мне и так хорошо. Мне нравится моя размеренная тихая жизнь, очень нравится.

Если подняться чуть выше по проспекту вдоль ряда цветущих диких вишен, миновать ряд магазинчиков, в которых долгие годы торгуют сувенирами, обогнуть здание французской пекарни, окажешься на центральной площади. Там всегда многолюдно, а птицы кружат в небе, пикируют вниз, выпрашивая угощения.

Память вдруг подбрасывает образы, в которых нас, совсем маленьких, водили туда – кормить голубей тёплыми булками. Я крошила белоснежную мякоть прямо под ноги, счастливо смеясь, когда сизокрылые беспокойные птицы слетались к моим ногам, жадно хватая острыми клювиками честно добытые сдобные кусочки. В те далёкие и такие прекрасные времена я была рыжей и смешной, бесконечно влюблённой в мир и жизнь. С возрастом цвет моих волос потемнел, но дарить Вселенной свою любовь мне, наверное, никогда не надоест.

– Вон, там! – Света указывает рукой на серый шпиль высотки, на первом этаже которой и расположен фитнес-клуб «Легенда». – Побежали скорее.

Никуда спешить мне не хочется, да ещё и бедро болит уже который день, а после пробежки от подъезда до автобуса оно вообще ноет слишком подозрительно, беспокоит. Стукнулась, что ли, им как-то незаметно? Не помню такого, но ведь болит! Синяка, вроде бы, не видно, но не может же моя нога болеть сама по себе, правильно? Даю себе мысленное распоряжение записаться хотя бы на осмотр у терапевта и бодро семеню за буйно помешанной на почве любви сестрой.

Пока резвой трусцой преодолеваем расстояние от остановки до входа в клуб, размышляю, что я с гораздо бо?льшим удовольствием провела бы свободное время, которого и так почти нет, гуляя по узким улочкам старого города и любуясь прохожими, или работала себе спокойно над проклятым отчётом, но ведь пообещала. Куда теперь деваться?

– Скорее-скорее, старая больная женщина, – хохочет Светка, буквально затаскивая меня в стеклянные двери, над которыми переливается разноцветьем вывеска клуба. – Я не могу опаздывать! Не имею права! Вдруг именно сегодня нам суждено познакомиться?

Голубые глаза сестры – чистые, точно горный ручей, – сияют предвкушением, а мне уже до такой степени интересно посмотреть на этого принца, что готова на месте от нетерпения подпрыгивать. Светка торопит меня, волнуется, и мне передаётся её состояние, будто бы это я влюблена в неведомого спортивного фанатика.

– Добрый вечер, Мариша! – щебечет Света, улыбаясь во все тридцать два симпатичной девушке за стойкой администрации. Та машет нам рукой, светит фарфоровыми идеальными зубами, но Света не разменивается на общение: хватает протянутые улыбчивой Мариной ключи, нетерпеливо ждёт, пока мне выпишут разовый абонемент, и тащит меня дальше. В итоге оказываемся в просторной комнате, где плотными рядами тянутся вдоль стен выкрашенные в ярко-зелёный цвет шкафчики. Кроме нас в раздевалке больше и нет никого, и это радует – не люблю скопление незнакомцев.

Мой мобильный вдруг принимается трезвонить, и звук, отражаясь от стен, кажется особенно громким. Вздрагиваю от неожиданности, вытягиваю из кармана телефон и стону в голос.

– Олег Борисович? – Светка смотрит на меня с сочувствием, а я киваю.

– Он самый.

Мой палец замирает над экраном, и я даже грешным делом хочу сбросить звонок, но понимаю, что это не выход. Мой начальник тот ещё репейник – в сто раз хуже сестры, и если я не отвечу вовремя, из-под земли достанет, и мозг в хлорке прополощет.

– Ладно, Света, ты иди, занимайся, а я позже подойду.

– Крепись, сестрёнка, когда-нибудь тебе воздастся за муки, вот увидишь.

– Ага, мне обязательно вручат орден. Посмертно, – вздыхаю и провожу пальцем по экрану.

“Дурочка”, – одними губами объявляет вердикт сестра и бодро семенит в сторону зала, от чего её платиновый хвост смешно раскачивается из стороны в сторону.

– Добрый вечер, Олег Борисович. – Натягиваю на лицо улыбку настолько широкую, что щёки болят.

И пусть шеф меня не видит, быть приветливой и улыбчивой – стиль моей профессиональной жизни.

– Ксения, отчёт готов? – берёт быка за рога шеф, а я чувствую, что он явно не в духе.

Проблемы в нашей маленькой, но гордой фирме, занимающейся разного рода полиграфией, начались с полгода назад, и с каждым днём дела становятся всё хуже и хуже. Очень плохими они становятся, дела наши. Сотрудники разбегаются, точно крысы с тонущего корабля, а оставшиеся оловянные солдатики держатся, как и я, исключительно на голом энтузиазме.

Работу свою я очень люблю, но, наверное, всё-таки придётся искать другой вариант, потому что и есть регулярно я люблю тоже.

– Практически готов, – пишу в трубку, но шефу нет никакого дела до тона моего голоса. Ему главное, чтобы отчёт был готов вовремя. – Утром он будет на вашем столе.

– Хорошо, – булькает в ответ и добавляет после короткой паузы: – Ксения, у меня небольшая просьба: приди завтра в офис пораньше. На часок хотя бы. Дело есть... важное. Очень важное.

Заверяю дражайшее руководство, что не подведу, и скоренько кладу трубку. Вот что ему понадобилось от меня с самого утра? Ещё и нервный такой, дёрганный в последнее время. Точно нас всех уволят, вот уверена на сто процентов. Фирму объявят банкротом, имущество спустят с молотка, а те немногие, что выжили в офисных войнах, отправятся под звуки бравурного марша на биржу труда.

Вот думаю об этом сейчас, рисую в воображении перспективу, и даже легче немного становится. Ну, насколько это вообще возможно в этой ситуации.

Решаю оставить тревожные мысли на время и тороплюсь переодеться. Минут за пять наряжаюсь, скручиваю порядком отросшие волосы в пушистую гульку и, всё-таки подумав хорошенько, решаю надеть мастерку. Не зря же я её покупала, в самом деле. Но стоит дёрнуть “собачку” замка, как он тормозит на полпути.

Заел, зараза, окончательно и бесповоротно.

Дёргаю рукой вверх-вниз, сама не понимая зачем. Дался мне этот замок горемычный. Но проблемы на работе, просьба сестры, звонок начальника и его неожиданная таинственность – всё это скопом наваливается, а сломанный в новой мастерке замок становится последней каплей.

Я сражаюсь с ним, точно с ветряной мельницей, пытаюсь справиться, но не тут-то было – заел. Злые слёзы обжигают глаза, и я вдруг вспоминаю совет бабушки: нужно всего лишь сконцентрировать взгляд на какой-то мелкой детали и вглядываться в неё, пока рыдания не отступят.

Так и делаю, но не выдерживаю и громко выкрикиваю какое-то безобидное, почти детское ругательство, и это помогает окончательно побороть слёзы.

– Вам помочь? – пугает меня чей-то голос, а я вскрикиваю, испугавшись, и даже на месте подпрыгиваю.

Голос определённо принадлежит мужчине. Низкий, будто бы слегка простуженный и совершенно мне незнакомый.

Вот только помощников мне и не хватает для полного счастья.

Глава 3

Роман.

Раз-два, раз-два... и так до бесконечности.

Я качаю пресс, потеряв счёт времени, ощущая в этом какую-то дикую животную потребность. Будто первобытный человек, готов рычать и рвать зубами чью-то плоть, но нет. Нужно успокоиться.

Давно меня так не плющило, хотя ходить в зал каждый день вот уже несколько лет – моя привычка, от которой не хочу избавляться. Одна из немногих, от которой ловлю настоящий кайф. Чёрт возьми, спорт – даже лучше секса.

С каждым движением, каждым рывком из головы улетает всё накопившееся – всё, что не даёт покоя в течение дня. Я абстрагируюсь от дурных мыслей, ищу покоя, и у меня даже получается. Почти получается.

Раз-два, раз-два...

Мимо меня снуют люди, жмут тяжести или занимаются на беговых дорожках, убегая подальше от инфаркта, и крутят педали в погоне за молодостью. Какой-то мужик, поигрывая мышцами, строит глазки симпатичной девице за соседним тренажёром, кто-то болтает о всякой ерунде – я не вслушиваюсь, продолжая качать этот чёртов пресс, будто бы меня с головы до пят скипидаром намазали. Мне нужно отвлечься, нужно выплеснуть злость, а иначе свихнусь.

Нет, это не поможет.

Резко поднимаюсь на ноги, ощущая приятную тянущую боль в животе, а икры напряжены до предела. В такие моменты я чувствую себя практически железным человеком – уставшим, но весьма довольным собой. Оглядываюсь по сторонам и стремительно иду в ту часть зала, где свисают с потолка боксёрские груши, а левее находится огороженный ринг. Прекрасно. Именно это мне и нужно, несомненно.

В глубоком ящике нахожу пару подходящих по размеру перчаток, напяливаю их и почти бегом направляюсь к груше. Размахиваюсь и со всей силы бью. Удар, ещё один, третий...

Я люблю бокс, люблю спорт в целом, потому, когда мои руки, раз за разом бьют по грубой коже, адреналин растекается по венам, и я практически успокаиваюсь, заменяя одни эмоции другими – более приятными и знакомыми с детства.

Я молочу и молочу несчастную грушу, абстрагируюсь от всего, что творится вокруг, и наедине с собой мне сейчас легко и комфортно. На второй план отходят проблемы, плохие мысли, утихает злость, гаснет ярость, и на смену глухому раздражению приходит здоровая усталость.

Даже о матери думать перестаю. В один миг, когда мышцы натянуты так, что в любой момент могут лопнуть, мысли о ней отступают. Пусть наша ссора останется за пределами моего сознания, потому что если начну снова на этом всём заикливаться, то потеряю над собой контроль. А мне нельзя, у меня завтра по плану подписание важного контракта, мне нужно держать себя в руках.

Ударив последний раз, повисаю на груше, приводя дыхание в порядок, а в голове приятная пустота, звенящая такая, стерильная. Вот для чего мне ежедневные занятия – чтобы дури в мозгах поменьше скапливалось.

Спорт всегда был моим спасением. В самые тяжёлые моменты жизни, я мог положиться только на него. Знал, что не подведёт. Если случалось какое-то дерьмо, я просто выходил на пробежку, или вертелся на турнике, пока ночь не опускалась на землю.

Вот и сегодня только благодаря занятиям и тому, что я оставил свой телефон в раздевалке мне удаётся успокоиться.

Ну что, мир, встречай своего победителя. Он полностью готов к твоему завоеванию!

Эту мантру я придумал в глубоком детстве, и ещё никогда она не подводила меня.

Беру чистое полотенце из стопки, вытираю пот с лица, провожу куском пахнущей кондиционером махровой тряпки по шее, и блаженно прикрываю глаза. В этот клуб я хожу лет восемь уже, и всегда они используют один и тот же аромат – душный цветочный, но способный перебить любую вонищу.

Вокруг становится немного тише. Многие благополучно разошлись по домам – наедать калории, которые завтра, обливаясь потом, будут выгонять из себя, точно чертей из церкви. Я окунаюсь с головой в ощущение полного покоя, словно в море ныряю. Кайф.

Тренировку можно считать оконченной на сегодня, и я выбрасываю в плетёную пластиковую корзину грязное полотенце. Теперь можно ехать домой или просто покататься по вечернему городу, чтобы закрепить эффект, но вдруг замечаю девушку, усиленно наматывающую километры на велотренажёре. Она сидит ко мне спиной, и это, слава богам, позволяет мне остаться “в тени”. Девушка крутит головой из стороны в сторону, будто бы ищет кого-то или ждёт.

Вот же, снова она. Надо скорее валить отсюда, пока она меня не обнаружила – слишком я злой и уставший, чтобы снова становиться объектом чьего-то пристального внимания.

Я начал замечать эту девицу примерно месяц назад. Сначала она мне показалась чудо, какой хорошенькой: длинные светлые волосы, которые она нарочито небрежно завязывала в высокий хвост; грудь, задница – всё было при ней, всё радовало взгляд.

Хотел ли я с ней познакомиться? Нет, потому что не мой типаж, но девчонка была откровенно красивой: юной, сочной, аппетитной. Всегда же приятно смотреть на что-то прекрасное, а не на потные спины соплеменников. И пусть мужика она во мне не будила, но смотреть было приятно, и в том радость.

Пару раз она попалась мне на глаза в фито баре, и я даже улыбнулся ей, что ли, – уж больно грустно она смотрела на меня. Но вот не нужно было этого делать, ни в коем случае.

Есть такие бабы, которым разок подмигнёшь в шутку, а они уже мысленно на свою голову фату цепляют. Да и молоденькая девица совсем – для меня, почти

тридцатипятилетнего мужика, так тем более. В общем, нафиг-нафиг, от греха подальше.

Сначала я, правда, списал всё на совпадение – мало ли, у кого какой график тренировок. Вдруг и её с моим так вот, случайно, совпал. Но я всё-таки не дурак и понял, с какой целью она вечно перед глазами задницей крутит. Каждый вечер, куда бы я ни смотрел, везде была она. Прокляли меня, что ли? Я, конечно, делал вид, что меня это всё не касается, но, чёрт возьми, проще, наверное, тряхнуть девицу хорошенько, чтобы перестала дурью маяться, чем убедить себя, что это всё – просто совпадение.

Впрочем, возможно, я слишком много на себя беру, но это детское повышенное внимание к моей персоне начало уже знатно меня утомлять, а после и подбешивать. Кажется, что на меня открыли охоту, а этого я жутко не люблю. Ещё чего не хватало, чтобы бабы на меня ловушки расставляли. Я всегда сам выбираю, с кем трахаться, а кого игнорировать.

Так было всегда, так и будет, пока ноги не протяну.

Но девица точно сдаваться не намерена, правда, дальше взглядов украдкой и случайных столкновений то там, то здесь дело не заходит. И на том спасибо.

И вот, смотрите на неё: крутит чёртовы педали, как ни в чём не бывало. Впрочем, я всё равно уже уходить собрался.

Иду к раздевалкам, но вдруг взгляд цепляется за что-то. Какое-то тёмное пятно мелькает на периферии, и я напрягаюсь.

Оглядываюсь, чтобы понять, что это было, и слышу бормотание. Кто-то чертыхается, а я прислушиваясь.

– Зараза! – раздаётся раздосадованное, а я улыбаюсь.

Слово такое... почти трогательное.

Делаю шаг влево, ещё один, пока не попадаю в небольшой коридорчик. Мне интересно, кто там так ругается, а главное, по какому поводу.

Вижу девушку – стройную, с завязанными на затылке в пучок тёмными волосами, которые в искусственном свете отливают бронзой. Одна прядь – непокорная, слегка вьющаяся – выпала из причёски и касается тонкой шеи.

Блаженство и услада для глаз, не иначе. Ловлю себя на желании коснуться её волос, запустить в них пальцы и вдохнуть аромат. Интересно, чем пахнет эта девушка?

Она не замечает меня, чем-то сильно занятая, и я решаюсь заговорить:

– Вам помочь?

К чему это? Чёрт меня знает. Просто захотелось, значит, так тому и быть.

Она вскрикивает и резко поворачивается на сто восемьдесят градусов, словно я, как минимум, собираюсь её насиловать. Нет уж, этого я точно с ней делать не буду, впрочем... но нет, всё исключительно по доброй воле.

Вскидываю перед собой руки, а девушка вроде как успокаивается. Во всяком случае, больше не кричит.

– Повторяю вопрос: вам помочь?

Делаю шаг в её сторону, но она останавливает меня жестом.

– Нет, спасибо, всё хорошо.

Только по выражению её лица так и не скажешь. Щёки покраснели, глаза горят лихорадочно, а ярко-розовые губы сжаты в тонкую линию.

– Правда-правда всё хорошо? – делаю ещё один маленький шаг в её сторону, но она снова выставляет руку вперёд. – Почему тогда ругались?

Девушка хмурится, осматривая меня слишком пристально. Суровая какая, не подступиться.

– Молнию заело.

Она указывает рукой на свою мастерку, а собачка замка, в самом деле, остановилась под грудью.

Очень красивой, между прочим, грудью – это и в спортивной одежде заметно невооружённым глазом.

– Помочь... с замком? – Делаю ещё один шаг к девушке, а она отрицательно качает головой.

– Спасибо, но нет. И перестаньте ко мне приближаться, в конце концов! – гневно сверкает глазами, а я улыбаюсь, в примирительном жесте вскидывая руки. – Вы, кажется, шли куда-то. Всего хорошего.

Она дежурно улыбается, но в глазах миллионы эмоций кружат. И да, все они далеки от радостного спектра.

Интересно, она сюда, как и я, пришла сегодня злость из своей жизни выгонять? И самое важное: почему я ни разу раньше её не видел?

Я опираюсь плечом об один из шкафчиков и просто смотрю на девушку. Смотрю с жадностью, изучаю лицо, фигуру, не могу оторваться. Есть в ней что-то такое, от чего напрягаются все мои мышцы, а дышать становится всё труднее. Будто бы кто-то налил мне в желудок расплавленного свинца, и я пытаюсь избавиться от этого жара, только ни черта не получается. Между нами всего несколько шагов, но они точно пропасть, не перепрыгнуть.

Она мне нравится. Правда, не факт, что взаимно.

Но когда меня останавливали такие мелочи?

Ксения.

Незнакомец молчит и буквально впивается в меня взглядом. Будто бы ждёт от меня каких-то слов или действий, но подсказывать не собирается, желая, чтобы я сама догадалась, что он хочет от меня. Глаза его блуждают по моему телу сверху вниз, изучают, и длится это всего несколько секунд, но кажется, что вечность.

И мерещится, что сейчас стою перед ним абсолютно голая и беззащитная. Что за...?

Он явно только что закончил тренировку, потому что кожа его покрыта мелкими капельками пота, и даже не успел переодеться. Вон как помочь мне спешил, что аж майку растянутую не сменил на что-то другое.

От вида его налитых перекачивающихся под золотистой кожей мышц хочется зажмуриться – будто бы я без спроса ворвалась в чью-то спальню и разглядываю незнакомого мужчину.

А ещё он очень высокий, и чтобы посмотреть в его лицо, мне даже голову приходится запрокидывать. Но я буду смотреть в его лицо, чтобы не думал, что я на его тело пялюсь. Придумает себе ещё не пойми чего, оправдывайся потом.

Давно так глупо себя не чувствовала, право слово. Вроде бы, он мне совершенно ничего плохого не сделал, даже помочь предложил, но наедине с ним в довольно узком пространстве мне несколько... неуютно. Будто меня запер кто-то здесь, а воздух вокруг потрескивает электричеством. Оно невидимо глазу, растворённое в воздухе, но мне почему-то вдруг становится дико жарко, будто бы мою голову в печку засунули.

– Куда я шёл не имеет никакого значения, – нарушает повисшую между нами тишину. – Уже не имеет значения.

Вот почему сегодня каждый встречный-поперечный считает своим долгом достать меня? Надо было гороскоп прочесть утром. Наверняка, звёзды сошлись каким-то особенно извращённым образом, а мне теперь расхлёбывай.

– Между прочим, здесь женские раздевалки, – обвожу рукой помещение, а он хмыкает, словно для него в этом факте нет ничего интересного. – А вы ведь всё-таки мужчина. Если мне, конечно, зрение не изменяет.

– А что, есть сомнения в моей половой принадлежности? – шуруется, а взгляд улыбкой искрится.

Он больше не пытается ко мне приблизиться, но я всё равно ощущаю его как-то очень остро, а по спине ползёт предательский холодок.

Боюсь ли я мужчин? Нет, но оставаться наедине с незнакомцем, в котором слишком много роста и фактурных мышц, как-то неуютно.

Мужчина красив – с этим, конечно, не поспоришь, но не рафинированной глянцевой красотой, от которой в глазах рябит. В нём чувствуется уверенность в себе, наглость даже некая. По всему видно, что он привык нравиться и знает, чего хочет от жизни.

А ещё мне почему-то кажется, что ему очень подошла бы борода. Не потому что это модно – вовсе нет, да и наплевать на моду. А только потому, что именно таким большим и сильным и идёт растительность на лице – как довершение образа. Стал бы похож на brutального и мужественного лесника с топором наперевес.

Вот же, чем только утомлённый мозг не разродится.

– Так, мне это уже надоело, – говорю, стараясь, чтобы мой голос звучал жёстко. Пусть все уже от меня отстанут сегодня, пусть в покое оставят, а то на ком-нибудь точно сорвусь. – Всего хорошего.

Левее от настырного незнакомца виднеется проход, в который я смогу просочиться, даже не задев мужчину. Вот и чудесно. Нужно скорее выбраться отсюда и найти Свету.

– Всего хорошего, – говорю и прохожу мимо него.

Вернее, пытаюсь.

Широкая ладонь с длинными пальцами хлопает по шкафчику перед моим лицом, и я останавливаюсь, глотая испуганный вскрик.

Перевожу взгляд левее и поднимаю его выше, пока не встречаюсь с парой почти чёрных глаз, которые буравят меня с жадным интересом. Словно я забавный маленький зверёк, которого хочется изучать.

– Как вас зовут? – Хриплый голос, будто его обладатель едва вылез из ангины, становится ещё ниже, а я фокусирую взгляд на губах. Очень красивых губах.

Я не хочу говорить ему ничего о себе, мне вообще не хочется говорить, потому что боюсь услышать вместо своего голоса мышинный писк.

– Мне просто нужно узнать ваше имя. Это ведь не сложно. Всего лишь имя.

– Вы маньяк? Или просто сумасшедший? – Нет, всё-таки не писк, а очень даже мой личный голос.

– И то и другое. – Едва заметная улыбка трогает уголки губ, но, в общем и целом, мужчина спокоен и непоколебим в своём желании достать меня окончательно.

Вторая ручища хлопает по шкафчику справа от меня, окончательно запирая меня в клетке. Мужчина слишком близко ко мне подобрался, слишком, и мне нужно бы испугаться, закричать, позвать на помощь – должна же быть в этом клубе охрана или администратор какой-нибудь, но слова застревают в горле комком.

Интересно, если он решит сжать меня в кулаке, насколько легко и быстро у него это получится?

– Всего лишь имя, мне большего не нужно. Пока что. – Его губы почти касаются моего уха, а дыхание весенним ветром на коже.

– Да отстань же от меня, – не выдерживаю и толкаю его в грудь, а мужчина тихо смеётся и отступает на шаг, давая мне свободу.

Ну что за приставучий тип?

Он, кажется, абсолютно не понимает, что я не собираюсь с ним знакомиться. Имею ведь право? И вообще, я злая на Светку, которая умчалась очаровывать потенциальную любовь всей жизни, а меня оставила тут на съедение тестостероновому мачо в чёрной майке, которая ещё и умудряется болтаться на таком внушительном теле. Серые шорты достигают колена, а напряжённые икры кажутся отлитыми из стали.

Стремительно иду к выходу, пока этот маньяк не догнал меня, а в спину несётся:

– Кстати, сама же себе хуже делаешь. Потому что я просто обожаю сложные задачи. И да, я всегда добиваюсь желаемого. Всегда.

Когда я разворачиваюсь, чтобы сказать какую-нибудь колкость, которая враз остудит пыл мачуна, замечаю хитрую улыбку на его, чёрт возьми, идеальных губах.

И да, в глазах безоговорочная и сокрушительная вера в собственные силы.

– Предлагаю смириться, что не всё в этой жизни бывает по-твоему.

И не дав ему сказать что-то ещё, пулей вылетаю из ставшего невыносимо душным помещения, а мне кажется, что в ушах звучит хриплый смех. Померещится же такое.

Свету нахожу в витаминном баре. Она помешивает трубочкой ярко-зелёный и наверняка очень полезный коктейль и грустно вздыхает.

– Извини, я задержалась. – Плюхаюсь на круглое сидение высокого стула возле сестры, а та снова вздыхает. – Он не пришёл?

Оглядываюсь по сторонам, но в баре, кроме нас, лишь одна девушка, спорящая с кем-то по телефону. И ни одного мужика.

– Он ушёл, – заявляет грустная Света, а я пожимаю плечами.

Заказываю себе стакан морковного сока – с детства его люблю очень – и жду, когда Света разродится печальными откровениями.

Я хорошо её знаю, потому уверена: долго молчать у неё не получится. Это от родителей она может что-то скрывать, но не от меня.

– Вот, знаешь, я хожу сюда каждый вечер, и мне даже кажется, что нравлюсь Роме. Чувствую, что нравлюсь. Но как только я думаю, что настало время для сближения, он убегает. Представляешь?

Я не знаю, какие слова подобрать, чтобы объяснить своей любимой глупышке, что мужчина никогда не станет сбегать от той, которая ему действительно нравится. Если и бежит, то у него есть для этого железные причины. Наличие жены и детей, как вариант. Или нестандартная ориентация к примеру. Но рушить воздушные замки – тяжёлая миссия.

Пока решаю, как осторожно подойти к этой щекотливой теме, Света допивает свой коктейль маленькими глотками, всё сильнее морщась.

– Тьфу, гадость какая, – резюмирует, отставляя подальше пустой стакан. – Верись, только ради Ромы пью эту дрянь.

– Ты сама уже зелёная, как этот коктейль. Пойдём отсюда, раз твой принц ускакал на своём мерине.

– Ты к нему жестока, – улыбается сестра, поднимаясь с места. – Он же не знает, что я его люблю. Иначе бы не ушёл.

Всё-таки в двадцать лет голова ещё слишком переполнена разными глупостями. А у Светы их слишком много. Как жаль, что людям сложно стать умными и мудрыми без набитых жизнью шишек и разорванных в клочья сердец.

– Блажен, кто верует. Но да, мне не нравится, что моя любимая красавица-сестра бежит за каким-то мужиком. Ни один этого не сто?ит.

– Жаль, что ты его не увидела, – сокрушается Света, когда мы едем обратно домой на такси. – Он всё-таки потрясающий.

Стремительно наступает вечер, и сумерки окутывают город плотной пеленой. Сograждане отдыхают после трудового дня за яркими окнами бесчисленных кафе и ресторанчиков, а мне вдруг отчаянно хочется выпить кофе в каком-нибудь крошечном баре, наблюдая за неспешно проплывающей мимо жизнью, и забыть хоть на мгновение обо всех тревогах и волнениях.

– Но ты же его не знаешь совсем, – напоминаю, но Света отмахивается от меня, как от надоедливой мухи. – Ладно бы он на твоих глазах кого-нибудь из огня вынес или ты с ним хотя бы парой слов перебросилась, а так... Картинка, образ. Вон, в певца какого-нибудь влюбись лучше – для психики безопаснее.

– Иногда никакие слова не нужны или геройские подвиги. Я просто чувствую, что он нужен мне, а больше ничего знать не хочу.

Света отворачивается к окну, и я понимаю, что никакие доводы рассудка не помогут, пока эта дурь из неё не выйдет сама по себе или её не выбьет жизнь.

И пока едем в полной тишине домой, я думаю о настойчивом незнакомце. И, вроде бы, в нём есть абсолютно всё, что раздражает меня в мужчинах: наглость, нежелание слушать других, излишняя самоуверенность, выставленная на показ сексуальность, но он упорно лезет в мысли, хоть ты тресни.

Но позволяю себе думать о нём, потому что уверена: никогда мы больше не увидимся, а значит, могу в своём воображении рисовать абсолютно всё и никто об этом никогда не узнает.

Глава 5

Ксения.

Отчёт всю ночь упорно не хотел сходиться, хоть головой об стену бейся. Я крутила цифры и так и эдак, результат оставался неизменным – нулевым. И не то, чтобы я была такой уж тупицей – напротив, просто мысли никак не хотели течь в нужном направлении.

Плодотворной работе не помогали ни литр крепкого кофе, ни любимые яблоки, ни мамина фирменная запеканка – голова упорно отказывалась работать, а события прошедшего вечера как-то странно действовали на меня. Я стала рассеянная, а такая я себе категорически не нравилась.

Но я настойчивая, когда нужно. Особенно, если дело касается работы.

Всё-таки одолела отчёт, хоть и пришлось потратить на это целую ночь, но я официально могла гордиться собой.

И вот сейчас, пьяная вынужденной бессонницей и злая из-за дурацкой просьбы шефа явиться на работу раньше, вбегаю в двери нашей компании, торопясь на аудиенцию с дражайшим руководством.

Наша фирма снимает первый этаж старого пятиэтажного дома в довольно тихом районе города, и я рада, что здесь нет извечного шума офисных центров делового квартала. На парковке едва ли три машины и те, если не считать автомобиль шефа, принадлежат жильцам. Возле нашего входа практически некому парковаться, увы.

В помещении почти гробовая тишина, лишь доносится откуда-то тихое жужжание принтера да слышится звук тяжёлых шагов. Мне становится грустно, потому что работаю я тут с первого курса института, и всегда офис кипел жизнью, наполненный шумом голосов и приятной рабочей суетой, а сейчас...

Олег Борисович расхаживает в приёмной мрачной тенью себя прежнего. Заложив руки за спину, он меряет комнату широким шагом, будто бы секунды до катастрофы отсчитывает. Он очень болезненно переживает кризис, и я его понимаю – тяжело смотреть, как дело, которому ты отдал годы, стремительно идёт ко дну.

Иногда люди устают бороться, утомляются плыть по течению, особенно, когда всё вокруг грандиозно взлетает на воздух. Вот и Олег Борисович, кажется, потерял всякие ориентиры, и от этого печально.

Останавливаюсь в дверях, сжимая в руках папку с надоевшим хуже горькой редьки отчётом, и молча смотрю на шефа. Я не видела его таким ни разу за семь лет: ослабленный узел тёмно-синего галстука, измятый дорожный пиджак и

слегка припыленный воротник некогда белоснежной рубашки. Даже на всегда идеально начищенных туфлях пыль, будто бы шеф бродил всю ночь по городу, борясь с бессонницей и пережевывая проблемы. Сколько он уже не спит, пытаюсь придумать выход?

– Олег Борисович, может быть, я кофе сварю? Завтрак закажу в офис... вы вообще, ели сегодня? Спали?

Шеф отрицательно качает головой, отмечая предложение, а мне очень хочется его хоть как-то поддержать, но не знаю, что придумать.

Вообще Олег Борисович хороший человек и симпатичный мужчина: слегка за пятьдесят, всегда ухожен и бодр, модная стрижка, пронзительный взгляд и волевой подбородок – полный комплект. Но сейчас он больше похож на опускающегося всё ниже и ниже алкоголика, право слово. И помочь-то особенно нечем, потому остаётся лишь наблюдать.

– Ксения... – Олег Борисович окидывает меня хмурым взглядом с головы до ног и указывает рукой на стул. – Не суетись, присаживайся лучше. – Следуя просьбе, первым делом кладу папку на стол. Пусть любитесь, не зря же я всю ночь убила. – Спасибо, что не заставила себя долго ждать.

Будто я сумела бы, когда он так настойчиво просил.

– Вам что-то конкретное от меня нужно?

Я действительно слегка в замешательстве, а мысли после бессонной ночи лениво сменяют одна другую. Уволить, наверное, решил. Ну и ладно, я и так к этому давно уже готова – надоело нервничать и волноваться каждый день.

Моргаю несколько раз, до боли смежая веки, а сердце в груди ухает барабаном. Слишком много кофе выпила, определённо слишком много. Если не умру от сердечного приступа, месяц пить кофе не стану.

А Олег Борисович так и ходит из угла в угол, никак не успокоится. Я и сама, кажется, готова вскочить и семенить рядом с ним, предаваясь тягостным размышлениям. Чужой негатив – жутко заразная штука.

И я решаю взять дело в свои руки:

– Олег Борисович, если вы хотите меня уволить, то я готова. Правда, не нервничайте так. Всё хорошо.

– Уволить? – смотрит на меня удивлённо, но в итоге отмахивается, улыбаясь. – Нет, увольнять тебя я не собираюсь.

– Тогда что случилось?

– Ксения, ты прекрасно знаешь, насколько плохо у нас идут дела, – начинает, тяжело вздохнув. – Ты одна из немногих, кто не оставил фирму, кто ещё верил, что всё можно наладить, но, увы, я оказался бездарным руководителем.

Передёргиваю плечами, но не перебиваю, чтобы не спугнуть поток гениальных мыслей.

– Недавно мне поступило предложение от фирмы «Полиграфсервис». Очень выгодное предложение, учитывая наши перспективы.

“Полиграфсервис” – самая крупная компания в стране, практически холдинг, включающий в себя, помимо прочего, крупное издательство, рекламное агентство и ещё кучу-кучу всего. Мы по сравнению с ними маленькие и скромные, хотя когда-то занимали очень хорошее место в своей отрасли.

– И я решил продать... продаться, в общем, им решил. Ребята молодые, энергичные, зубами готовы рвать эту жизнь и выходить на новый уровень.

– Наверное, это самый оптимальный выход, – пожимаю плечами, понимая, что Олег Борисович не мог придумать идеи лучше.

Зря он на себя ругается – он хороший руководитель.

– Да, гораздо лучше банкротства, – тихо смеётся, а я чувствую, что мне и самой улыбаться хочется.

– А от меня-то что требуется? – возвращаюсь к самому важному для себя вопросу, из-за которого я вышла из дома в такую рань.

– Мне нужно, чтобы ты отвезла копию отчёта и кое-какие документы в центральный офис «Полиграфсервиса». Это очень срочно. Документы важные, никаким курьерам я доверить их не могу.

Будто бы у меня есть другие варианты для выбора. Потому собираю остатки сил в кулак и, стараясь не думать о том, что нужный офис находится в двух часах езды по пробкам от нашего, выхожу на улицу. Главное, ничего не забыть и не перепутать.

От наставлений шефа кружится голова, а спать хочется невероятно. Но я держусь на остатках плещущегося в венах кофеина и личном упрямстве. Есть такое слово «надо», а мы все дружно отвечаем «есть!».

Не знаю, что творится в моей голове, о чём я вообще думаю, когда ступаю на широкую дорогу, даже не посмотрев по сторонам. А когда раздаётся визг тормозов, и меня каким-то чудом отбрасывает назад, я даже не успеваю испугаться. Всё происходит точно на большом экране, и момент этот обрывками киноплёнки перед глазами проносится.

Приземляюсь на задницу, не чувствуя боли – очень плавно падаю, да ещё и на мягкую изумрудную траву, уже успевшую вырасти у обочины. Порыв пахнущего поздними нарциссами ветра бьёт в лицо, тёмные пряди падают мне на глаза, закрывая мир плотной пеленой, а я цепляюсь за папку с документами, как за спасательный круг. На всё это уходит не дольше нескольких секунд, а в ушах эхом визг тормозов автомобиля, под колёса которого я чуть было не попала.

А ещё мне очень стыдно: по своей дури чуть под машину не попала, напугала, наверное, человека, ещё и валяюсь у обочины мешком с картошкой. Хорошо, хоть с утра брюки надела, а то вдвойне было бы неудобно.

Совсем рядом что-то хлопает, я убираю назад упавшие на глаза волосы и смотрю на пару тяжёлых светлых ботинок, возникших совсем рядом со мной. А когда поднимаю медленно взгляд, вижу того, кого видеть в этой жизни больше ни разу не планировала.

– Нет, я, конечно, всё понимаю, но ты не имеешь права умирать, пока не сказала мне своего имени.

Глава 6

Роман.

Нет, я знал, конечно, что найду её, но не думал, что она самолично бросится под мои колёса. Конечно, я бы мог гордиться собой, мол, такая девушка выбрала именно мою машину, чтобы свести счёты с жизнью, только ситуация, если не прикрывать её иронией, очень страшная.

Откуда она вообще выпрыгнула? Чуть сердце не выплюнул, когда она, перепуганная, назад отскочила, а я тормозил машину, вцепившись в руль руками с такой силой, будто сломать пальцы хотел. Вся жизнь, мать её, перед глазами пролетела – я даже слова все нормальные забыл, одни маты в мозгах пульсировали. Я машину вожу лет с четырнадцати, – когда права получал, уже был опытным водителем, хоть в дальнубой иди. И ни разу не попадал в аварии, никогда не пытался сбить человека или протаранить лобовухой столб. А тут, ты смотри, какие дела творятся.

Я не успел в деталях рассмотреть самоубийцу – всё произошло слишком быстро. Выскочил на улицу, хотел заорать на девушку – честно, испугался за неё до трясущихся поджилков. Нельзя же быть такой неосторожной, нельзя. Жизнь не место для таких лихих манёвров. Но когда увидел, кто именно плюхнулся своим очаровательным задом в траву, злость утихла так же быстро, как и родилась во мне. Просто схлынула морской волной, даже следа не осталось.

Но остался страх, который я упорно пытаюсь запихнуть на самую дальнюю полку сознания и усиленно отгоняю от себя страшные картинки изувеченного трупа под своими колёсами.

Она убирает волосы с лица, а они медью переливаются настолько ярко, что я сглатываю слюну. Каждым плавным движением, взглядом своим она планомерно выбивает из моих лёгких воздух, которого и так в них катастрофически не

хватает со вчерашнего вечера.

– Нет, я, конечно, всё понимаю, но ты не имеешь права умирать, пока не сказала мне своего имени, – говорю, глядя на неё сверху вниз, а улыбка сама по себе расползается на моём лице.

Смотрит на меня во все глаза, будто бы не верит, что это именно я. Ищу на дне её взгляда подтверждения, что она хоть немного, но рада меня видеть. Фиг мне, снежные королевы так просто не сдаются.

– На надгробии прочитал бы, – бурчит, прижимая толстую папку к груди, будто бы отгораживаясь ею от меня. Ещё и вцепилась в неё с такой силой, что аж пальцы побелели, не только костяшки.

А ещё они дрожат, и я протягиваю руку, чтобы помочь девушке подняться, но она упорно игнорирует мою ладонь. Крепкий орешек, ничего не скажешь – такую с наскока не очаруешь. Впрочем, и места для знакомства попадают не самые удачные, и ситуации страннее некуда.

– Может быть, я читать не умею?

Ладно, не хочет подниматься, нравится в траве сидеть у обочины, значит, пусть сидит.

– Что ты делаешь? – удивляется, когда я присаживаюсь рядом, вытягивая перед собой ноги. А что? Вполне удобно. Трава мягкая, солнце светит, ветерок приятный обдувает, людей вокруг, кроме нас двоих, и нет практически. Почему бы и не присесть?

– Сижу. Не видно разве? – поворачиваю голову, а лицо моей незнакомки, которая всю ночь никак не хотела из моей башки уходить, совсем рядом. Стоит только наклонить немного голову и можно коснуться губами щеки, вдохнуть аромат волос... так, кому-то вроде меня нужно успокоиться и держать романтические позывы под контролем, пока ошибок не наделал.

Она, такая смешная и растрёпанная, нравится мне ещё больше.

- Удобно? – хмыкает, а я киваю.

- Очень. Ты же, похоже, до вечера решила здесь сидеть. И я посижу.

- Дел других, что ли, нет?

- А у тебя?

Мы перебрасываемся этими пустыми по сути фразами, а я откидываю голову назад, подставляя лицо апрельскому солнцу. Оно не обжигает, но уже настолько тёплое, что хоть на пляж иди. Да, весна нынче рано наступила, а с ней и жизнь как-то странно решила измениться. Забавно.

- У меня очень много дел... мне документы нужно отвезти. Срочно.

- А мне на работу пора, очень тяжёлый день впереди, – говорю, стараясь не смотреть на свою собеседницу, потому что, если буду пялиться, все мысли растеряю. – Но посидим, да. Нужно же людям отдыхать, правильно? Не всё же делами заниматься.

Она будто бы приходит в себя от шока: суетится, перекладывает папку из руки в руку, по сторонам оглядывается, и от этого становится ещё милее. Такая маленькая и испуганная – кайф. Нет, не страх её, а вообще она вся – чистый кайф и услада для моих глаз.

Не теряя времени зря, потому что и сам дико опаздываю, поднимаюсь на ноги, становлюсь напротив и, наклонившись слегка, обхватываю пальцами тонкие женские кисти.

- Ты очень испугалась, да? – Присаживаюсь на корточки, и на мгновение весь мир замедляется настолько, что вовсе перестаёт существовать. Какая разница, что творится вокруг, если бегунья наконец-то нашлась?

А я... я просто смотрю в глаза той, которую и видел-то в своей жизни несколько минут, и имени её не знаю, но почему-то чувствую, что сидеть вот так, напротив, смотреть на неё – лучшее, чем я мог бы сейчас заниматься.

- Ты точно маньяк. - Её голос тихий, но не сломленный. Она вся сейчас, точно натянутый нерв, гордая и непокорная, несмотря на пережитый шок. - Отпусти, я поеду. Мне пора, я опаздываю.

Она не ищет причин уйти, она действительно не хочет оставаться рядом. Не знаю, что происходит в её жизни, есть ли кто-то у неё, да мне и плевать на мужей и детей, что могут ждать её дома. Я просто делаю то, что считаю нужным и правильным, а остальное меня не касается.

- Я отвезу.

- Нет, спасибо, - отрицательно качает головой, а пухлые губы сжаты в тонкую линию, побелели даже. - Городской транспорт отлично справится.

- Слушай, я тебя чуть не убил только что, - начинаю, не выпуская её рук из своих ладоней. - Я же теперь умру от мук совести, измучаюсь весь, исстрадаюсь. Позволь сделать для тебя хоть что-то... в качестве извинения.

- Ты же не отцепишься от меня? - уточняет, хотя наверняка и так знает ответ на свой вопрос.

- Угадала. За автобусом буду ехать, рукой тебе всю дорогу махать.

- Маньяк, - замечает, а я киваю со всей серьёзностью.

Она склоняет голову набок, размышляя над моими словами, а я терпеливо жду. Ну, насколько я вообще умею быть терпеливым, хотя это и не самая сильная моя черта. Тонкая кожа под моими пальцами тёплая и шелковистая, и я не удерживаюсь: провожу по внутренней стороне запястья - там, где вьются голубыми нитками тонкие вены. Правда, наслаждаться ощущениями мне никто не даёт: девушка хмурится и вырывает свои руки из моей хватки.

В самом деле, она ещё долго мне это позволяла.

- Не надо меня трогать. Гладить тоже не надо. Держи руки при себе.

– Договорились, – расцветаю самой широкой своей улыбкой, от которой в восторге и старики, и дети, но точно не моя снежная королева. – Помочь подняться?

Снова вместо ответа отрицательный кивок, а я, выпрямившись, иду к машине.

Людям нужно давать личное пространство, даже если очень хочется сгрести одну конкретную девушку в охапку и утащить в какую-нибудь очень далёкую и покинутую человечеством пещеру.

Распахиваю дверцу машины и жестом приглашаю в салон.

– Давай, не бойся. Я не кусаюсь. Виноват же перед тобой? Виноват. Значит, нужно заглаживать.

Она тоскливо провожает взглядом уезжающий в нужном направлении автобус и, тяжело вздохнув, принимает приглашение. Наверное, в самом деле, опаздывает, раз даже не очень спорит со мной.

– Если что, имей в виду, я твои номера запомнила, – заявляет строго и даже пальцем грозит, будто бы мне лет пять от роду, но её тёмные глаза уже заметно потеплели.

Она садится в салон, устраивает на коленях свою сверхценную папку, а я захлопываю дверцу. Странно так судьба нас сводит второй раз уже, и, честно признаться, мне нравятся такие её повороты.

Занимаю своё законное место, пристёгиваюсь и смотрю вправо – на замершую истуканом девушку. Мне даже нравится, что я всё ещё не знаю её имени – в этом есть некое очарование.

– Безопасность превыше всего, – усмехаюсь и подаюсь вправо. Не резко, чтобы не испугать, но, когда наши тела оказываются в опасной близости друг от друга, и я могу вдохнуть полной грудью сладковатый аромат, исходящий от тёмных волос, окончательно плыву. – Нужно пристегнуться.

Мой голос хриплый, а слова вылетают на свободу с трудом. С ремнём управляюсь еле-еле, а сам не могу оторвать взгляда от пухлых губ совсем рядом. Поцеловать бы сейчас, но, боюсь, эта затея плохо кончится.

Ничего, значит, буду терпение тренировать.

– Куда путь держим? – интересуюсь, сжимая руки на руле.

– Центральный офис “Полиграфсервиса” на Петровского, – слышу ответ, а смех сам собой рождается в моей груди.

Похоже, судьба решила дать мне фору. Ну что ж... я умею пользоваться выпавшими шансами, и этим я воспользуюсь на полную катушку.

Глава 7

Ксения.

После моего ответа, он взрывается хриплым смехом, а я пытаюсь понять, что такого весёлого можно было найти в моих словах. Может быть, после падения у меня что-то не так с лицом? Макияж потёк или ещё что-то в этом роде, вот и хохочет? Но нет, вроде бы, всё со мной в порядке – я даже в зеркало себя быстро осматриваю, чтобы наверняка... тогда что его так развеселило? Или он просто не в своём уме, вот и хихикает?

Странный тип, очень странный.

– И часто у тебя такие приступы? – спрашиваю скучающим тоном, а он пожимает плечами, мол, ничего эдакого во внезапном взрыве хохота нет.

– Прости, не смог сдержаться. – Несмотря на извинения, в голосе ни капли раскаяния, а на губах блуждает вполне себе нахальная усмешка. – Держись крепче, снежная королева, домчу с ветерком.

– Может быть, хватит меня снежной королевой называть?

– Ну как-то же мне нужно тебя называть, – вполне искренне удивляется, и даже улыбка слетает с его губ. Да-да, всё таких же идеальных губ, как мне вчера увиделось. – Раз имя своё открывать отказываешься. Такая упёртая, я в восторге!

В восторге он, посмотрите на него...

– Далось оно тебе, в самом деле.

Я смотрю впереди себя, а пальцы сжимают несчастную папку до боли в суставах. Странно чувствую себя сейчас, словно плыву в душном мареве, а воздух вокруг густой и плотный, хоть ножом режь.

– Я настойчивый и всегда добиваюсь своего, – напоминает мне о вчерашнем разговоре в раздевалке клуба и улыбается настолько широко, что это, наверное, должно растопить толстые льды между нами. – Чего бы мне это ни стоило.

– Ты сумасшедший, а не настойчивый, – фыркаю, а он смеётся.

Я нервничаю рядом с ним, сама не понимая почему. Просто он делает то, что выбивает меня из колеи. Вот, например, уселся рядом на траву, не боясь запачкаться, не раздумывая. Просто взял и сделал то, что захотел. Взрослый же мужчина, явно хорошо за тридцать, спортом занимается, серьёзным должен быть, а приземлился рядом и сидел, как ни в чём не бывало. Чудной какой-то, право слово.

Я, во всяком случае, таких ещё не встречала, и это несколько... будоражит, что ли.

Посматриваю на наручные часы, а время тянется и тянется, будто резиновое. Нам ехать, если не попадём в пробку, больше часа, и я успеваю уже сто раз пожалеть, что не поехала на автобусе. Надо, наверное, что-то сказать, завести беседу, что ли... о погоде там поговорить или видах на урожай, ещё о чём-нибудь бессмысленном – просто, чтобы поездка прошла быстрее, но не знаю, нужно ли. Не могу найти слов, которые были бы уместны сейчас, когда я и так

стараясь изо всех сил показать, что мне глубоко неприятно настолько повышенное внимание.

Никогда я не умела принимать комплименты, не могла адекватно реагировать на повышенный мужской интерес. Нет, я не синий чулок и не комплексующая девица, просто неуютно себя чувствую под пристальными мужскими взглядами. А этот, как на зло, глазищами чёрными нет-нет, да сверкнёт в мою сторону, а во взгляде жадный интерес и неприкрытое внимание. Так, наверное, голодные люди смотрят на шикарно накрытый стол.

Тьфу, вот это ассоциации в моей голове рождаются.

- Значит, "Полиграфсервис", - замечает как бы между прочим, выворачивая руль влево и встраиваясь в плотный ряд спешащих в центр машин. - Туда нужно документы отвезти? Прямо в их офис, да?

- Да, ... очень важное дело. Очень тороплюсь.

Я не собираюсь рассказывать незнакомому мужчине, какие именно у меня там дела - это его не касается, но и отмалчиваться невежливо. Всё-таки он помог мне, этого нельзя отрицать.

- Интересно-интересно. - Он бросает на меня быстрый взгляд, а мне почему-то кажется, что он снова сейчас рассмеётся.

Знать бы ещё, что именно его настолько сильно веселит.

Устраиваюсь в мягком кожаном кресле удобнее, а обивка слегка скрипит и пахнет почему-то солнцем. Отворачиваюсь к окну и пытаюсь не думать о том, что еду в одной машине с совершенно посторонним мужчиной, который своими действиями ставит мой привычный тихий и устоявшийся мир с ног на голову. Вдруг он действительно сумасшедший маньяк и сейчас завезёт меня в лесопарк и там, изнасилуя, оставит?

Чёрт, что со мной? Никогда я такой подозрительной не была, а тут прямо страхи-ужасы в голову лезут, не отогнать.

– Всё-таки хорошо, что ты прыгнула именно под мои колёса, – отвлекает от размышлений, а я резко оборачиваюсь, чтобы встретиться с насмешливым взглядом чёрных глаз.

– Никуда я не бросалась! – задыхаюсь от возмущения. – Я просто задумалась!

– Ладно, пусть так... но дела это не меняет, – отмахивается от моих пояснений, словно всё для себя давно решил. – Ты ведь вчера сбежала, а я жуть как люблю такие сложности. Сама же провоцируешь меня, между прочим.

Чего-чего? Провоцирую? С чего бы это? Что вообще творится в голове у этого мужчины?

– Я не знаю, что ты там себе нафантазировал, но я действительно не хотела и не хочу с тобой знакомиться. Неужели это настолько трудно понять?

– Вовсе не трудно, – кивает и, помолчав немного, добавляет: – но неужели ты сама не понимаешь, что чем больше от меня убегаешь и сопротивляешься, тем сильнее мне хочется тебя догнать?

“Ну, погоди!” какое-то.

– Я уже говорила, но повторю вновь: ты маньяк. А иначе я не знаю как объяснить такую болезненную настойчивость. Не удивлюсь, если на стене твоего подвала висят в рядок трофейные головы всех тех, кого ты в итоге догнал.

Он молчит, слегка улыбаясь, непробиваемый. Я впервые встречаю настолько твердолобого мужчину, который не понимает никаких слов. Прёт буром, напролом.

– Маньяк-маньяк, ты даже ещё не представляешь, до какой степени я маньяк.

– Если не возражаешь, даже не стану представлять. Своих проблем хватает, ещё голову всякой ерундой забивать.

Я не знаю, почему мне настолько сильно хочется сопротивляться его вниманию. Это какая-то игра, правил которой я не понимаю, но она заводит меня. Что бы он

ни говорил, мне хочется спорить, сопротивляться... странно это очень, но ничего с собой поделаться не могу.

Он молчит, кажется, переключив всё своё внимание на дорогу, что стелется асфальтовой лентой перед лобовым стеклом, а я краем глаза смотрю на него. Мне бы с гордым видом отвернуться, но ведь смотрю, будто бы мой взгляд сам собой приклеивается к нему, примагничивается.

Несмотря на царящую весеннюю прохладу, на нём надета белая просторная футболка, в которой его широченные плечи кажутся ещё массивнее. Он большой и, наверняка сильный, и я рядом с ним вовсе, наверное, незаметная. Какой у него рост, интересно? Под метр девяносто, если не чуть больше. Бугай, честное слово, самый настоящий бугай.

Перевожу украдкой взгляд выше и невольно люблюсь чётким профилем, будто бы его из камня высекли. Прямой нос, лёгкая рыжеватая щетина на щеках, тёмно-коричневые брови над чёрными глазами и слегка вьющиеся волосы, коротко стриженные на затылке, висках и свободно падающие на лоб.

– Ты на меня смотришь, – заявляет, усмехаясь, а я быстро отворачиваюсь к окну.

– Скучно, вот и смотрю.

– Нравится?

– Ничего особенного.

– Ну-ну, – смеётся, а я зажмуриваюсь, понимая, что стремительно краснею.

– Мы почти приехали, – объявляет, а я и сама уже вижу возвышающееся за рядом активно зеленеющих деревьев пятиэтажное здание “Полиграфсервиса”.

Слава богу, сейчас выйду, попрощаюсь и больше не придётся терпеть настырного мужчину, который будто бы специально второй день подряд попадает на глаза.

– Спасибо, что насмерть не сбил. И за то, что подвёз тоже спасибо, – говорю, отстёгивая ремень, и распахиваю дверцу. Ура, свобода! Но в ответ получаю лишь скупой кивок. Но самое странное: он тоже решил выбраться из салона на улицу. – Я сама дойду, не нужно утруждаться.

Не хватало ещё, чтобы провожать меня удумал. Хотя да, с него станется.

– А я и не утруждаюсь, делать мне нечего, – заявляет, делая пару шагов вперёд. Уверенных таких шагов, нужно отметить.

Жалобно пищит сигнализация, издали доносится пение невидимой птицы, а воздух наполнен ароматом вишнёвого цвета.

– Ты идёшь? – указывает рукой на нужное мне здание, а я оглядываюсь по сторонам. – Между прочим, ты говорила, что у тебя важное дело в нашем офисе, – взмах в сторону центрального входа. – Срочное, кажется. Поэтому советую поторопиться.

В каком это смысле “в нашем офисе”?! Что вообще происходит?

Пока пытаюсь переварить услышанное, мой внезапный спутник кладёт ключи от машины в задний карман тёмно-синих джинсов и, не оборачиваясь, идёт к зданию. Как к себе домой идёт, стремительно так, размашисто. Мне же ничего не остаётся, как следовать за ним, потому что я действительно тороплюсь.

Что бы это всё ни значило, работа есть работа.

Вокруг царит такая приятная тишина, а погода с самого утра настолько хорошая, что я невольно забываю обо всём, что может меня тревожить. Пусть жизнь и непредсказуемая штука, я всё равно её люблю.

Парковка возле здания забита до отказа, а огромный рыжий кот сидит возле самого входа и медленно вылизывает лапу, полуприкрыв большие зелёные глаза и лениво поглядывая на прохожих.

– Прошу, – усмехается мой спутник, останавливаясь возле автоматических дверей. Но не входит, меня ждёт. – Только после вас.

– Спасибо, – киваю и делаю шаг внутрь.

Я ни разу не была в этом здании, потому просторный холл рассматриваю с интересом. Светлые стены увешаны множеством очень ярких разноцветных плакатов, рекламными постерами, смешными картинками. Была бы моя воля, я бы надолго залипла, разглядывая каждую деталь, но время не ждёт. Да и настырный товарищ отчего-то никуда не уходит, а стоит за моей спиной и, прямо чувствую это, смотрит и смотрит. Вот же... как коршун вьётся. Но пусть, сделаю вид, что не замечаю.

Льстит ли мне его внимание? Возможно, но его настойчивость слегка настораживает, хотя, чего греха таить, будоражит что-то глубинное и первобытное во мне.

Ладно, сначала с рабочими вопросами разберусь, а потом уже буду думать о чувствах и ощущениях.

– Почта пришла? – раздаётся его голос за моей спиной, а когда оборачиваюсь, вижу как девушка за стойкой администрации передаёт ему, улыбаясь от души, стопку писем и каких-то проспектов. – Спасибо, Ритуля, ты, как всегда, красивее всех.

Значит, всё именно так, как мне показалось на первый взгляд: настойчивый тип работает здесь. И теперь-то понятно, что его так развеселило, когда я попросила отвезти себя в “Полиграфсервис”. Интриган! Мог бы и сразу сказать, что нам по пути, но, с другой стороны, я ведь тоже не слишком-то шла с ним на откровенность. Баш на баш, так сказать.

– Ой, скажете тоже, – заливается смехом и багряным румянцем Ритуля.

Понимаю, что мне тоже нужно к ней подойти, потому игнорирую колотящееся где-то в горле сердце и иду к стойке.

– Здравствуйте, меня зовут Ксения Ларионова, – представляюсь, а Рита переводит на меня внимательный взгляд. – Мне нужно отдать документы Литвинову Роману Александровичу. Он на месте?

Рита удивлённо смотрит на меня пару секунд, будто бы на моей голове дерево выросло, и только открывает рот, чтобы что-то сказать, как так никуда и не ушедший товарищ заявляет:

- Он на месте, уверен в этом. Риточка, я отведу.

И не дав кому-то вставить хоть слово, подталкивает меня к широкой лестнице, перила которой увиты какой-то яркой мишурой, переливающейся в свете потолочных светильников. Вообще очень яркое место, аж в глазах рябит. Но мне оно нравится – здесь хочется находиться, рассматривая каждую деталь и кожей впитывать атмосферу вечного праздника.

- Да я и сама умею идти, – пытаюсь высвободиться из его хватки, но он упорно держит руку на моей спине, ничего не слушая.

Похоже, проще смириться и пережить этот тайфун, чем загребать против течения. Да и хорошо, что в этом царстве трудового хаоса у меня есть знающий всех и всё провожатый – сама я могла бы долго здесь блуждать, любясь весёлыми людьми и картинками.

- Значит, Ксения, – замечает как бы про себя, а я пожимаю плечами. – Красиво...

- Спасибо маме.

- И правда, спасибо. – Окидывает меня жадным взглядом, и губы медленно растягиваются в ленивой улыбке. – Не только за имя, а и вообще.

Я спичкой вспыхиваю, когда смысл его слов доходит до сознания, вдруг понимая, что, несмотря ни на что, получать комплименты чертовски приятно. И пусть я не умею адекватно на них реагировать – другая бы на моём месте уже вилась вокруг него ужом, – всё равно приятно.

- А ты, значит, работаешь здесь, – перевожу тему, чтобы хоть немного, но контролировать свои мысли, которые знатно путаются под таким яростным тестостероновым напором.

– Видишь, как судьба сама хочет, чтобы мы стали ближе? Не спорь с судьбой, Ксения Литвинова, не надо.

—Болтун, – заявляю, но впервые за долгое время мне хочется улыбаться.

Мы поднимаемся по лестнице, а мимо нас бегают люди, занятые своим делом. Каждый кивает или улыбается моему спутнику, и все кажутся такими радостными, приветливыми. Здание кипит жизнью, переполнено энергией, и я смело могу признать, что мне здесь нравится. Какая-то очень тёплая суета, от которой становится будто бы светлее.

На втором этаже ряды столов тянутся от стены к стене, а сквозь высокие окна в помещение льётся солнце. Здесь просторно и светло, а атмосфера непринуждённая, и это мне тоже нравится.

– Вон там его кабинет, – раздаётся совсем рядом, а я вздрагиваю, потому что вовсе забыла, кто идёт рядом со мной.

– Спасибо, что отвёл.

– Пожалуйста... Ксения, – улыбается и отпускает меня. Но не уходит, лишь снова достаёт из кармана ключи и...

– Ты же говорил, он на месте... Литвинов в смысле.

– Уже на месте, – улыбается и распахивает передо мной дверь. – Приятно познакомиться. Проходи. Кофе будешь?

– Кофе? – ошарашенно повторяю, следя, как мой не в меру настойчивый провожатый идёт к дивану у стены и бросает на него почту.

Потягивается, разминая мышцы, становясь похожим на ленивого кота, который только-только проснулся. А ещё его просторная футболка задирается выше, оголяя мышцы пресса...

Но подождите...

– То есть ты и есть Литвинов Роман Александрович? – уточняю, хотя его хозяйские повадки в стеклянных стенах этого кабинета не оставляют сомнений. – Всё верно я поняла?

– Вот и познакомились, Ларионова Ксения, – хитро улыбается и указывает рукой на диван, предлагая сесть.

В самом деле, в ногах правды нет, потому принимаю приглашение.

– Вот, это вам, – отдаю документы, а Роман смотрит на меня удивлённо.

– С чего бы ты вдруг на вы перешла? – он сверлит меня взглядом, но неужели и сам не понимает почему?

– Ну как же... одно дело симпатичный незнакомец, другое – человек, выкупающий фирму, в которой я работаю. Совершенно разный уровень общения. Это же элементарно.

– Подожди! Замри! – приказывает, а я слушаюсь, потому что он снова делает что-то такое, от чего моё сердце совершает кульбит. – То есть ты сама, без моего давления, назвала меня симпатичным?

Улыбка дрожит в уголках его губ, а я, сама того не осознавая, начинаю смеяться. Нет, в самом деле, он самый странный мужчина в моей жизни.

– Я не специально, оно само вырвалось, – говорю, отсмеявшись, а Рома усмехается.

– Ну-ну. – Снова углубляется в изучение документов, а я жду, когда закончит. Олег Борисович просил дождаться ответа Литвинова по отчёту, потому ничего не остаётся, как тихо сидеть примерной школьницей.

Чтобы как-то скрасить ожидание, рассматриваю просторный кабинет, пока Роман Александрович рассматривает документы, и удивляюсь, что здесь всё довольно аскетично: необходимый минимум мебели для работы, тонкий ноут на столе, да большой плакат супергеройской тематики на стене над креслом. Очень строго и по-мужски.

– Всё хорошо, отличный отчёт, – замечает Роман, кладя раскрытую папку на стол, а я незаметно для себя выдыхаю.

– Ещё бы был не отличный. Я всю ночь его делала, из-за этого чуть под твою машину не угодила. Попробовал бы он другим быть.

Роман молчит, будто бы что-то в уме решает – какую-то сложную задачу, понятную только ему.

– Значит, ты у нас не только красавица, а ещё и умница. Учтём.

И почему-то именно эта незатейливая похвала заставляет моё сердце биться сильнее. Я всегда стремилась кому-то доказать, что всё смогу и всё сумею. Вначале родителям, потом уже самой себе. Это сидит во мне глубоко внутри, и от этого так сложно избавиться, что я даже перестала пытаться. Но порой так сложно рвать жилы, так утомительно... потому, когда совершенно посторонний человек видит во мне не только красивую картинку, но и что-то большее, становится тепло на душе.

Улыбаюсь, счастливая, а Роман складывает руки на груди и смотрит на меня пристально, изучает.

– Ты очень красивая, когда улыбаешься, снежная королева. Делай это почаще.

– Снова “снежная королева”? Уже ведь знаешь моё имя. Отчего снова?

– Ну... мне нравится. Есть в этом что-то личное и интимное. – Потирает покрытый щетиной подбородок, о чём-то размышляя. – Кстати, повторяю вопрос: кофе будешь?

– Нет, спасибо большое. Я ночью несколько переборщила с кофе... наверное, неделю его пить не смогу.

– Ночью, значит? – усмехается и снова потирает свой подбородок. – Ночью нужно с сексом перебарщивать, а не с кофеином.

– Спасибо за ценный совет. Очень важно было услышать его именно сейчас и именно от тебя.

– У меня много таких в загашнике.

– И все о сексе?

– Практически, – Рома смеётся и, обойдя стол, наклоняется над ноутбуком и распаковывает его крышку. Пару мгновений он что-то печатает на клавиатуре, а я поднимаюсь с места. Надо возвращаться на работу, потому что всё, что нужно, я уже сделала.

– Так, я отправил письмо твоему шефу. Сегодня, значит, как и планировали, подпишем все документы.

– Это замечательно, – говорю вполне искренне и делаю шаг в направлении выхода.

– Уже уходишь? – интересуется, за один длинный шаг сокращая расстояние между нами. От его близости я почти задыхаюсь, а терпкий аромат мужского одеколona щекочет ноздри.

Мой нос упирается ему в грудь, и я отступаю назад.

– Мне пора на работу.

– Похвальное рвение.

Я не вижу его лица, но почему-то кажется, что он сейчас улыбается.

– Я бы отвёз тебя, но перед подписанием документов нужно сделать пару важных дел. Прости.

– Не нужно извиняться, Роман Александрович, – поднимаю голову и убеждаюсь, что он действительно улыбается, – вы же не обязаны.

– Думаешь, если я твой новый начальник, то нужно сразу выкать и бить поклоны? У нас в фирме никто никому не выкает, у нас свободные отношения.

Все его слова будто бы имеют под собой иной смысл. Или мне просто так кажется?

– Всё, я поехала, – выдыхаю, а Роман не удерживает меня. И это хорошо, так я хотя бы думать снова смогу нормально.

– Ксения, – окликает меня, когда до выхода остаётся один шаг, – до вечера.

– В каком смысле?

– У Олега Борисовича все детали уточнишь, он в курсе, – хитро улыбается, а я сбегая, чтобы не найти повода задержаться ещё хоть на мгновение.

Глава 8

Ксения.

В автобусе не хватает кислорода, и я кое-как пробираюсь к распахнутому окну, чтобы подышать свежим воздухом. Высовываю немного голову, а кто-то напирает сзади с такой силой, что меня буквально впечатывает в тёплую стену. Ещё немного и меня точно расплющит, слово даю.

С тоской вспоминаю, как удобно было ехать по этой дороге в машине, и эти мысли цепляются одна за другую, пока не будят в воображении образ того, кто вёл эту самую машину. Рома...

Крепко зажмуриваюсь и шиплю от боли, когда какой-то мужик задевает острым локтём мою поясницу, а чья-то тяжёлая сумка бьёт по косточке на ноге. Проклятие! Когда же эта поездка уже закончится? Будто в адский предбанник попала, и скоро радостные черти запихнут меня в кипящий котёл по самую макушку.

Когда дьявольская повозка, которую какой-то коварный человек назвал комфортабельным автобусом, выплёвывает меня вместе с другими страдальцами на нужной остановке, готова приплясывать от радости, несмотря на то, что после поездки у меня всё тело ломит. Взгляд невольно цепляется за то самое место, возле которого мы снова встретились с Ромой, и я улыбаюсь. Не знаю, были ли у него на самом деле планы найти меня, но вряд ли он ожидал, что я материализуюсь перед его машиной. Сюрприз – всем сюрпризам сюрприз. В памяти всплывает всё, что было после того, как он вышел из автомобиля. Надо же было, сидеть в траве у обочины, будто бы нет в этом ничего странного. Как нас в дурку не забрали? До сих пор понять не могу. Наверное, после таких фокусов мы бы там точно пришли ко двору.

И я снова улыбаюсь. Когда шок окончательно отпускает, я уже могу смотреть на эту ситуацию отстранённо, и она действительно кажется забавной. И Рома кажется забавным, хотя я до сих пор так и не решила, как мне относиться к его вспыхнувшим чувствам ко мне, особенно в свете изменений. Как вести себя, если нам теперь придётся сталкиваться постоянно? И самое интересное: что будет вечером?

Неизвестность не пугает, она будоражит. Я несусь на всех парах к своему офису, забыв о неприятных ощущениях в ноге, забыв о том, что всё вокруг меня меняется с космической скоростью. Мной движет любопытство, и я ощущаю себя ребёнком, с которым взрослые обещали поделиться важным секретом.

Судя по поведению Романа, он ещё тот затейник, потому от него можно ждать чего угодно. Но я не боюсь, я предвкушаю.

– Олег Борисович, я вернулась, – объявляю, влетая в приёмную, а начальник высовывает голову из двери своего кабинета. Улыбается, завидев меня, с каким-то даже облегчением, что ли. – Литвинов сказал, что письмо вам отправил, там какие-то условия прописал, что-то уточнить мне у вас нужно.

Стреляю фразами, как из пулемёта, и попутно бросаю сумку на свой стул. Включаю ноут, а Олег Борисович жестом заманивает в свой кабинет.

– Ксения, на все вопросы отвечу, но свари кофе для начала, пожалуйста, – просит, прежде чем войти обратно, и я послушно принимаюсь за приготовления так любимого шефом американо.

Нет, сама всё-таки воздержусь, и так сердце колотится, как сумасшедшее, в груди. То ли от кофеина, то ли от происходящего вокруг, но лучше всё-таки побережусь.

– Спасибо, присаживайся, – предлагает шеф, когда я врываюсь в его кабинет с чашкой кофе, исходящего ароматным паром.

Ставлю свою ношу на стол начальника и занимаю привычное место напротив него. Но Олег Борисович не торопится садиться в своё кресло – всё ещё предпочитает измерять шагами площадь помещения. Мне снова хочется ему как-то помочь. Хотя бы в память о том, каким он был терпеливым и понимающим, когда я, совсем зелёная, на первом курсе института, устроилась в фирму. Я очень хотела чувствовать себя самостоятельной, хотела быть нужной и учиться всему на практике, но вначале все мои обязанности сводились к «принеси-унеси», но именно Олег Борисович увидел во мне потенциал. И за это буду вечно ему благодарна.

Кабинет шефа маленький, но довольно уютный, а мне почему-то вспоминается яркий офис “Полиграфсервиса”. Как же там всё-таки красиво и радостно, и мне почему-то кажется, что мужчина, при чём непосредственном участии это всё создавалось, не может быть мерзким и отвратительным.

Так, стоп, такими темпами я начну воображать, что влюбляюсь. Нет уж, не нужно мне это, особенно, если работать вместе придётся.

– Вы сегодня ели хоть что-нибудь? – спрашиваю, а Олег Борисович отмахивается от моего вопроса, будто бы есть людям для жизни вовсе не обязательно.

Но всё-таки вспоминает о своей просьбе, садится в кресло и берёт горячую чашку в руки.

– Кофе, как всегда, выше всяких похвал, – жмурится от удовольствия шеф, делая большой глоток обжигающего напитка. Мне никогда не понять, как у него выходит пить, считай, кипятком, ещё и удовольствие от этого получать. – Спасибо, что отвезла документы, это было действительно важно. Раз у меня не получилось, я не мог доверить это дело кому-то постороннему.

Я заверяю, что мне это ничего не стоило, а Олег Борисович продолжает:

– Литвинов, конечно, большой оригинал, но, мне кажется, что мы сделали правильный выбор.

– Вам виднее, – пожимаю плечами и черчу в блокноте узоры, чтобы хоть чем-то занять руки. – Он мне показался неплохим человеком.

Мухи отдельно, котлеты отдельно, как говорится. Несмотря на его поведение, ничего откровенно плохого я в Романе не увидела. А переизбыток тестостерона и излишняя самоуверенность – не такой уж сильный недостаток.

– Я о нём только хорошее от коллег слышал, потому, думаю, сработаетесь.

– В каком смысле? А вы?

Олег Борисович молчит, допивая медленно свой кофе, а я всё жду объяснений.

– Дело в том, что я решил уйти на покой, – произносит наконец, а я удивлённо смотрю на него.

Он ещё ведь не старый, и опыта ему не занимать. Почему уходит? Неужели в «Полиграфсервисе» не нашлось для него вакансии? Не верю.

– Не хочу больше всем этим заниматься, устал.

И, судя по его внешнему виду и серому оттенку лица, действительно устал.

– Понимаю, но... это же дело всей вашей жизни. Может быть, отдохнёте, на курорт поедете, а после снова в бой?

Я подбираю разные варианты, которые устроили бы всех, но понимаю, что Олег Борисович решения своего не поменяет – не такой он человек. Но мне жаль, потому что он очень хороший, и без него будет очень грустно. Вот бывает же, когда совершенно посторонний человек становится практически на одну ступень с самыми родными и близкими.

– Иногда нужно вовремя остановиться, – замечает, а грусть в его голосе почти осязаемая. – Но ты не волнуйся, я поставил условие, что всем оставшимся в нашей фирме сотрудникам сохранят их должности, а в оплате вы даже выиграете.

Мне хочется спросить, чьим же ассистентом мне придётся быть, но не лезу впереди паровоза – если Олег Борисович обещает сохранение рабочего места, значит, мне не о чем волноваться. А я в первую очередь профессионал, потому с любым дураком, думаю, сработаюсь.

Стараюсь не думать, что этим дураком может оказаться Литвинов, потому что боюсь этих мыслей. Хотя, может быть, он остынет ко мне, когда начнём видеться постоянно.

В общем, пока что не о чем переживать, вот и не стану.

– Насчёт твоих вопросов... – возвращается к самому волнующему меня. – Сейчас езжай домой, собирайся, а вечером мы едем с тобой в клуб “Чёрная лилия”. В семь я тебя заберу у дома, будь готова.

– Зачем это? – вырывается у меня, но Олег Борисович пожимает плечами, пряча улыбку в почти пустой белоснежной чашке.

– Будем отмечать подписание документов, видимо.

– Но “Чёрная лилия” такое... хм... – пытаюсь подобрать слова, но они никак не хотят складываться в нормальные фразы.

– Скандальное место? – подсказывает Олег Борисович, а я охотно киваю.

Именно такое оно, скандальное. И дорогое.

– Вот такой у Литвинова выбор, потому, езжай домой и ни о чём не переживай.

Легко сказать, конечно.

– Может быть, я не поеду? – предпринимаю робкую попытку отвести неизбежное. – Зачем я там? Документы все подготовлю, всё оформлю, но в клуб-то мне, зачем ехать?

Олег Борисович отрицательно качает головой, пресекая возражения, и слегка улыбается, напуская на себя шуточную строгость:

– Нет, Ксения. Литвинов очень чётко дал понять, что твоё присутствие обязательно. Но ты мой ассистент, потому не спорь. Я же пока ещё твой начальник.

Обложили, точно говорю. Со всех сторон обложили.

Ну и ладно. Хоть посмотрю изнутри на этот хваленый клуб «Чёрная лилия», а обо всём остальном подумаю потом.

Глава 9

Ксения.

– Хочешь, я тебе свои новые туфли подарю? – заботится обо мне сестра, кладя на покрывало золотистую обувную коробку. – Я их ни разу не обувала, они новые совсем. Возьми!

Она открывает крышку с витиеватой надписью по контуру, и на свет показывается пара туфель, место которым точно на полке, а не на моих ногах. Не знаю, зачем Светка вообще их покупала, но мне они явно не подойдут. Я и так волнуюсь, мне ещё убиться не мешало для полного счастья.

– Спасибо, Светик, но нет. Да и слишком они блестящие, яркие очень.

Туфли будто бы сделанные из кожи какой-то неизученной наукой змеи даже в привычном свете люстры смотрятся вызывающе, а в стенах ночного клуба я точно буду выглядеть так, словно пришла туда найти себе летнюю подработку стриптизёршей. А на высоту каблука даже смотреть страшно, не то что выйти в

таких на люди.

– Зато заметные! – заявляет Света, всё-таки не оставляя идеи нарядить меня новогодней ёлкой. – Это же “Чёрная лилия”! Рассказывали, что там очень много состоятельных мужчин и вообще... люди стремятся быть яркими.

Света взбудоражена моим походом в клуб больше меня самой. Все знают, что вход могут обеспечить либо состоятельные покровители, либо именные приглашения, а ни того, ни другого Светке не сыскать. Но мечтать это ей не мешает.

– Ох, сестер, как же я тебе завидую, – мечтательно закатывает глаза и ложится поперёк моей кровати не спину.

Задирает повыше длинные ноги, упирается пятками на стену и шевелит ступнями в такт тихой музыке, что льётся из её телефона, лежащего рядом. Светлые волосы ореолом вокруг головы, а в голубых глазах мечтательная поволока.

– Слушай, ты же так и не рассказала, кто именно тебя туда пригласил. Расскажи, пожалуйста, мне очень интересно! – Света следит, как я перебираю вешалки с платьями и прочей нарядной одеждой и пытаюсь решить, что же лучше подойдёт для похода в “Чёрную лилию”. – Или, может быть, ты с Борисычем роман крутишь, а? Признавайся, я маме не скажу!

Хитро щурится, а я отмахиваюсь от очередной бредовой идеи. Не хватало ещё мне шефа в женихах. Да и зачем мы друг другу?

– Он женатый, между прочим. И у него трое детей твоего возраста, – напоминаю факты биографии Олега Борисовича, а Светка фыркает.

– Ну, жена и дети – проблема, конечно, но вдруг у вас любовь вспыхнула? А что? Он мужчина видный...

Я смотрю на сестру и понимаю, что мне вовсе не нравится то, что я услышала между её слов. Неприятное чувство царапает сердце, и я сажусь рядом с ней, убеждая себя, что мне послышалось, показалось. Светка же не такая, она не

может всерьёз считать, что любовь способна оправдать несчастье других.

– Света, посмотри на меня, – прошу, а она окидывает меня наполненным удивлением взглядом. – То есть ты думаешь, что я могу наплевать на жену и детей только потому, что влюбилась в мужчину?

– Всё-таки ты идеалистка, Ксюша, – замечает сестра и тяжело вздыхает. – Лично я считаю, что за свою любовь нужно бороться, несмотря ни на что. И, поверь, если у того, кого я люблю, будет хоть гарем из жён и детей выводок впридачу, ничего это не изменит.

Господи, когда она успела так вырасти? Время, пожалуйста, не лети так быстро... я не готова ещё проститься с милой маленькой девочкой, которая умела быть доброй.

– Может быть, я и идеалистка, но нет такой любви, которая бы стоила несчастья других людей.

Я искренне считаю, что на несчастье других людей своего счастья не построишь. С женатыми и несвободными мужчинами я никогда не имела дела и ничего менять не собираюсь. Потому что мужиков в мире много, а совесть у меня одна. Но сестра, как оказалось, думает иначе.

– Ой, только давай без вот этих вот прописных истин, – фыркает Света, перекатываясь на живот. – Ты у нас знатная комсомолка, но не надо мне проповеди читать. Я уже не маленькая, а ты не священник.

Сглатываю комок и, ничего больше не говоря, выхожу из комнаты. Света права в одном: она уже взрослая, и пусть думает, как ей нравится. В конце концов, пускай её моральным долгом родители занимаются, у меня и без сестринского долго проблем выше крыши.

На кухне родители о чём-то спорят, стараясь не повышать голоса. Они всегда такими были – даже ругаться чуть не насмерть умудрялись полущёпотом.

– Ксюша, детка, что-то случилось? – тревожится мама, а отец спускает на кончик носа очки в тонкой оправе и смотрит на меня внимательно. – Ты какая-то

взбудораженная.

– Нет, мама, всё хорошо, не переживай. Просто немного с твоей младшей дочерью поспорили.

Я открываю холодильник и долго рассматриваю его содержимое, чтобы решить, чем лучше заесть тоску и нервы – шоколадкой или мандаринами.

– Со Светочкой? – пугается мама, а отец скептически хмыкает. – Но...

Действительно, как же поверить, что со Светочкой вообще возможно поспорить, с ангелом-то и усладой глаз и души родительской. Чёрт, нужно успокоиться, потому что не к добру всё это, особенно перед таким важным вечером, от которого я вовсе не знаю, что ожидать.

– Если у тебя есть ещё какая-то дочь, то самое время нас познакомить, – говорю, захлопывая дверцу холодильника, так и не определившись с выбором. – Потому что со Светланой Игоревной в последнее время стало очень трудно общаться. У неё слишком затянулся подростковый возраст, и сейчас её штормит, как деревянный плот.

– Не выдумывай, – отмахивается мама, возвращаясь к нарезке капусты. – Светочка у нас чудесная и очень солнечная девочка.

Кто бы спорил, так не я, да только ничего это не меняет.

– Мама, ей двадцать лет. Пора бы и вам с папой с этим смириться. Она уже не маленький ребёнок, хватит держаться за иллюзии!

Отец молчит, прячась за газетой. Он всегда так делает, потому что не выносит напряжённой обстановки, а любое недовольство Светочкой принимает слишком близко к сердцу. Как и мама.

– Ксюша, мне кажется, ты слишком строга к ней, – жалуется мама, а папа снова хмыкает, шурша тонкими газетными листами. – Она ещё ребёнок, хоть и очень серьёзная и умная девочка. И неважно, сколько лет ей по паспорту.

Будто бы об умственно отсталости инвалиде каком-то говорим, честное слово. Устала, господи, как же я устала быть самой взрослой в этой семье радужных единорогов.

– Ребёнок уже на мужчин засматривается! – не выдерживаю, потому что впервые в жизни меня откровенно раздражает такое раболепие родителей по отношению к сестре. – А вы всё ушами себя по щекам хлопаете. Дохлопаетесь, вот увидите.

Я злюсь, хотя и не должна бы. Я очень люблю свою сестру, но мне очень не нравится та, в кого она превращается. Милый златокудрый ангелок имеет в голове весьма странные мысли, о наличии которых ещё совсем недавно невозможно было даже предположить.

– Ксюша, не надо, честное слово, – вздыхает мама, яростно шинкуя капусту. – Она хорошая девочка, учится на отлично, никогда слова поперёк не сказала, но ты же знаешь, что мы не можем быть к ней строгими, ты же понимаешь, почему.

Да, я понимаю, потому перестаю спорить – бесполезно. Света родилась раньше срока и первые пять лет жизни очень болела. Каждый день мог стать для неё последним, потому для родителей, конечно же, она всегда останется той, над кем они привыкли трястись денно и ночью. С этим ничего не поделаешь, да я и не пытаюсь, я и сама её безумно люблю и всегда буду. Но впервые мне кажется, что что-то мы упустили, и очень скоро начнём пожинать плоды своих страхов и безусловной любви. И как бы нам всем это боком не вышло.

Впрочем, даже если Света расчленит трупы всех наших соседей, родители не перестанут считать её умницей.

– В общем, неважно, – оставляю эти переживания на потом и, налив себе стакан компота из сухофруктов, выпиваю до дна. – Мама, папа, я не знаю, когда сегодня вернусь – у меня деловой ужин. Не волнуйтесь и ложитесь спать.

– Ты же знаешь, дочь, что мы тебе доверяем? – интересуется отец, скорее, для проформы, а я звонко целую его в щёку и ухожу в свою комнату.

Светы в ней уже нет, как нет и предложенных туфель. Значит, обиделась. Впрочем, сегодня у меня нет желания идти за ней и пытаться помириться. Пусть дуется, сколько её душе угодно – мне некогда заниматься этой ерундой. Всё

равно наутро сестра уже будет щебетать, как ни в чём не бывало, а мне же пора определиться с нарядом – до ужина осталось чуть больше часа.

Выкладываю на кровать в рядок платья. Одно оттенка слоновой кости, с ажурной спиной и ниспадающей красивыми волнами юбкой. Второе глубокого винного оттенка, обтягивающее, но вместе с тем очень скромное. Отметаю их недрогнувшей рукой, потому что не хочу сегодня выглядеть в глазах кого бы то ни было серой мышью, которая укутывается метрами ткани, чтобы ни дай бог не показать кому-то лишнюю часть своего тела. Я красивая, мне есть чем гордиться, но я ещё и умная, потому будем создавать грань между сексуальностью и “мужчина, у меня трое детей и злая собака”.

Когда все приготовления окончены, а шеф терпеливо ждёт у подъезда, я окидываю себя взглядом в зеркале, смотрю на себя со всех доступных глазу ракурсов и остаюсь полностью довольна собой. Узкие брюки выгодно подчёркивают все плавные изгибы, а свободная рубашка открывает глазу чуть больше, чем нужно, но не делает из меня готовую на всё проститутку. Укороченная кожаная куртка вносит в образ что-то хулиганистое, а макияж завершает картину. Права мама, я красавица.

Хочешь играть, Роман Александрович? Будут тебе игры.

Когда любоваться собой в зеркале становится неприличным, а Олег Борисович уже наверняка меня заждался, я выбегаю из подъезда и, пьяная своей смелостью, ныряю в припаркованную у подъезда машину. Когда захопываю за собой дверцу, смотрю на непривычно расслабленного шефа, а тот одобрительно покачивает головой, улыбаясь.

– Вот не был бы я настолько хронически женатым человеком, увёз бы тебя очень далеко. Прямо сейчас и увёз бы, – смеётся Олег Борисович, впервые позволив себе некую вольность в общении. – Не сочти за хамство, но не удержался. Ты очень красивая сегодня, прости старика.

Я тоже смеюсь, отбросив в сторону смущение, будто мне на городском празднике сладкую вату купили, и впервые принимаю мужской комплимент, как должное. Чёрт возьми, такими темпами я превращусь в настоящую кокетку! Осматриваю себя в зеркале, проверяя, всё ли в порядке с макияжем, а машина трогается с места, плавно набирая скорость.

Шеф, не прекращая улыбаться, что-то мурлычет себе под нос, а тихая ритмичная музыка наполняет салон. Пол под ногами вибрирует басами, и я тихо напеваю модный мотивчик, наслаждаясь неспешным течением момента. Даже Олег Борисович кажется более спокойным и уверенным в себе, словно подписав документы, сбросил с себя тяжёлую каменную глыбу. Даже цвет лица посвежел, а модный бежевый свитер очень ему идёт, делая моложе. Мне радостно, что он наконец-то нашёл внутренний якорь и хоть ненадолго, но забыл обо всех проблемах.

Хорошие люди должны быть счастливыми, даже если для этого им нужно оставить за спиной то, что было дорого.

Откидываюсь на сидение, поворачиваюсь к окну и всю дорогу наблюдаю за вечерним городом, стараясь не думать о том, что может меня ждать этим вечером. Богатая фантазия услужливо подбрасывает разные невероятные картинки, но я отгоняю их прочь, потому что ничем хорошим это не закончится – только зря разволнуюсь. Сегодня мы просто отметим подписание документов, посидим, отдохнём – так заверил меня Олег Борисович. Возможно, кроме нас троих, будет ещё кто-то.

Должна же быть у Литвинова своя ассистентка, правильно? Наверняка её с собой прихватит для ровного счёта. Может быть, в клубе вообще вся его фирма в полном составе соберётся, и о размахе вечеринки утром будет шептаться весь город.

До клуба минут тридцать, если в объезд, – зато без пробок, – и чем ближе мы к месту событий, тем сильнее моё предвкушение. Незнестность должна пугать, но вместо этого она разжигает какой-то давно тлеющий во мне уголёк, и жар опалает изнутри, разливается огнём по венам.

Когда Land Cruiser Олега Борисовича паркуется у здания клуба, я смотрю во все глаза сквозь стекло, выискивая знакомые лица или автомобили. Я отказываюсь признаваться самой себе, что ищущу того, кто организовал весь этот вечер. Не знаю, зачем бы Роману торчать на улице, но цепляться взглядом за каждого мне здравый смысл не мешает.

– Вашу руку, милая леди, – склоняется в вежливом поклоне Олег Борисович, сверкая улыбкой, а я не могу сдержаться и смеюсь, выбираясь из

припаркованной у клуба машины.

Наверное, задержись мы в дороге ещё хоть на чуть-чуть, места на парковке уже не нашли бы, настолько плотным рядом выстроились машины самых разных цветов и моделей. Будто бы на автомобильную выставку приехали, а не провести вечер в ночном клубе, пусть и известном на всю страну.

Я осматриваю фасад «Чёрной лилии», в который раз поражаясь фантазии архитекторов и дизайнеров. Абсолютно чёрные стены, выполненный из какого-то странного материала, будто бы поглощают свет, оставаясь матовыми. На округлой крыше огромный яркий цветок с причудливыми лепестками медленно крутится по часовой стрелке, переливаясь в наступившей темноте всеми оттенками синего – от нежно-голубого по контуру до яркого индиго в сердцевине. И, кажется, сколько не рассматривай гигантскую лилию, налюбоваться не получится. Чудо какое-то, в самом деле.

– Ксения, я хочу предупредить, – говорит Олег Борисович, когда мы пристраиваемся к недлинной очереди таких же отдыхающих, терпеливо ждущих возможности переступить порог клуба. – Этим вечером мы не будем думать о работе. В жизни выпадает слишком мало возможностей просто отдохнуть, не станем растрачивать эти минуты на ерунду.

Я соглашаюсь, потому что и сама намерена этим вечером отбросить прочь все тревоги. Сегодня я не хочу быть чьей-то ассистенткой, хорошей дочерью или старшей сестрой. Сегодня я обычная женщина, а об остальном буду думать завтра.

“Чёрная лилия” встречает нас приглушёнными звуками джаза, льющегося, кажется, со всех сторон, проникающего сквозь тёмные стены, и лёгким ароматом дорогого парфюма и сигар. Я сжимаю в руке мягкий кожаный клатч и жду, пока Олег Борисович о чём-то общается с администратором. Разговор явно затягивается, потому что я решаю осмотреться по сторонам.

Каждой тщательно подобранной деталью клуб подтверждает, что не зря имеет такое название: интерьер заведения выполнен сугубо в тёмных чернильных оттенках, и это... необычно. Приглушённый свет едва рассеивает тьму, царящую кругом, и требуется время, чтобы привыкнуть к оригинальному дизайну “Чёрной лилии”. Кажется, что каждая мелочь, любой штрих здесь служат единой цели –

скрывать секреты гостей от посторонних глаз. В полумраке так легко оставаться самим собой, со всеми своими недостатками и странностями. Когда густые тени блуждают по стенам, сливаются в причудливые узоры где-то под потолком, так просто нырнуть с обрыва – навстречу чему-то новому и волнительному.

Администратор – мужчина лет тридцати в красивом и конечно же тёмном костюме – рукой указывает на табличку, где белым по чёрному обозначена настойчивая просьба сдать мобильные телефоны. Делать нечего, отдаю аппарат, предварительно выключив его, а Олег Борисович кладёт свой мобильный рядом. Всё, клетка захлопнулась, потому придётся надеяться, что впереди будет лишь хорошее.

Улыбнувшись, администратор распахивает перед нами абсолютно чёрную дверь с золотистой ручкой в форме лилии и жестом предлагает войти внутрь. И пусть там темнота кажется ещё гуще, я смело ступаю вперёд. Атмосфера клуба – таинственная и будоражащая – вплетается в нервы, распускается где-то в груди огромным горящим цветком, а шальная энергия покалывает на кончиках пальцев, искрит высоковольтными разрядами электричества, распространяя вокруг запах озона. Это лишь фантазии, странные ощущения, но они кажутся очень реальными, словно в самом деле скоро начнётся гроза.

Я не знаю, что ждёт меня сегодня вечером, но почему-то кажется, что всё, что случится, я запомню надолго, если не навсегда. Интуиция редко обманывает меня. Уверена, что не подводит и на этот раз, но единственная эмоция, которую не испытываю в этот момент – страх.

Сегодня я невероятно смелая.

Когда дверь распахивается будто бы сама по себе, мы оказываемся в небольшом зале – наверняка приватном, – где всего один столик и небольшая сцена. На ней в коконе из приглушённого света саксофонист разливает вокруг мелодию, которая вибрирует в воздухе, ставшем вдруг очень плотным. Настолько, что невозможно дышать.

И это, конечно же, не потому, что на меня кое-кто смотрит. Вовсе не из-за этого.

Дверь за спиной щёлкает, а я оборачиваюсь на звук и понимаю, что Олега Борисовича в комнате-то и нет. Куда он делся-то? Только что был же рядом...

– Привет, снежная королева, – доносится до меня, а я оборачиваюсь на голос. Он будто бы стал ещё ниже обычного, хотя, казалось бы, ниже-то и некуда. Характерная хрипотца наждачной бумагой по нервам, и я слегка вздрагиваю, понимая, что Рома каким-то невероятным образом подобрался совсем близко ко мне.

А я и не заметила.

– А куда... – начинаю, но мне никто не даёт закончить.

– Мало ли, какие у него дела? У нас свободная страна, вернётся.

Только хочу что-то возразить, потому что мне не нравится чувствовать себя овцой на заклании, но Рома не даёт: обнимает рукой за талию, мягко притягивает к себе, лишая путей к отступлению.

– Потанцуем, снежная королева?

Глава 10

Ксения.

– Танцевать? – ошарашенно бормочу себе под нос, предпринимая слабую попытку сопротивления, но Роман времени зря не теряет: держит крепко, чтобы, наверное, не сбежала никуда.

– Можешь одна, я посмотрю с удовольствием, – говорит, глядя на меня тем особенным взглядом, от которого даже мой позвоночник слегка подрагивает. Столько неприкрытого желания таится на дне тёмных глаз, столько почти животной похоти, что не хватит приличных слов, чтобы описать все эмоции, что пустынными бурями клубятся в чёрной радужке.

Может быть, скандал устроить? Но если возмущение во мне и плещется, но оно не настолько осязаемое, чтобы расплёскивать его вокруг. Я растеряна этой

ситуацией настолько, что мой привычный и очень удобный панцирь трещит по швам, выпуская на свободу смелость и даже какую-то дерзость.

Я поднимаю взгляд, а в полумраке глаза Литвинова совсем тёмные. Его лицо – единственное, что я вижу сейчас; единственное, на что мне хочется смотреть в эту минуту. И даже если бы не хотела, я не могу оторваться, словно меня магнитом к нему тянет. Странное чувство.

Я даже не пытаюсь сопротивляться этому, потому что именно сегодня решаю позволить себе то, на что при ярком свете никогда бы не отважилась. Буду ли я жалеть о своём решении? Наверное, но все сожаления настигнут меня завтра. Вот тогда и стану решать, что делать с этим всем.

В уголках идеальных губ дрожит еле сдерживаемая улыбка, а я вкладываю свою руку в широкую ладонь Романа, а тот ведёт меня в центр импровизированного танцпола – на крошечный пяточок у самой сцены. Здесь свет ярче, а музыка громче, и я растворяю в ней все свои тревоги, отбрасываю прочь волнения. Как и обещала самой себе, сегодня не существует чьей-то ассистентки, дочери или старшей сестры. Сегодня есть лишь Ксения Ларионова, а остальные подождут.

Неважно, куда делся Олег Борисович. Всё равно, что будет завтра – сегодня я хочу танцевать.

Большие и тёплые ладони ложатся на мою спину, а я вздрагиваю от странного ощущения – даже сквозь слои одежды ощущаю жар чужой кожи. Или это мне только кажется? Сегодня странный вечер, потому что всякое может померещиться.

– Не жарко? – интересуется, а тепло терпкого дыхания касается моей кожи на щеке. – В куртке, в смысле, не жарко?

Это самый обычный вопрос, но мне всё время чудится, что в каждое своё слово Рома вкладывает какой-то очень интимный подтекст.

– Нет, мне очень комфортно, – киваю, а Рома улыбается одним уголком губ, глядя поверх моей головы.

Я намного ниже его, и Роман возвышается надо мной, будто скала, вытесанная из камня. И я смею: кладу руки на его грудь – правую над самим сердцем, и оно бьётся под моей ладонью, как африканский барабан. Наверное, у такого большого мужчины должно быть огромное сердце.

Эти мысли странные, совсем непривычные, и я пытаюсь отогнать их, но в этот момент мне слишком тепло, чтобы впускать в разум повод для беспокойства.

– Тебе всё-таки жарко, – заявляет тоном, не терпящим возражения, и плавным жестом снимает куртку с моих плеч.

Одно движение, всего одно и куртка упадёт на пол, но я ещё держусь за иллюзию своей независимости и, наверное, со стороны выгляжу глупо. А, чёрт с ним!

– Вот так, – бормочет, когда я расслабленно опускаю руки, и стягивает кусок кожаной тряпки, и бросает её на стул рядом с сервированным столиком. – Спорит она ещё со мной, настаивает... я, между прочим, твой начальник.

– Угрожаешь? – Я снова кладу руки на его грудь, а кожа под шелковистой тканью чёрной рубашки очень горячая.

Может быть, у него температура? Или здесь действительно жарко? Я не понимаю, потому что мой теплообмен, кажется, нарушен окончательно и бесповоротно – то знобит, то в жар бросает.

– Угрожаю? Боже упаси. Лишь предупреждаю, – усмехается и крепче сжимает руки на моей талии. Впрочем, дистанцию сохраняет, не тискает и не переходит границ дозволенного.

Уже хорошо. Так я хотя бы смогу сохранять видимость хладнокровия.

– Ай-яй-яй, Роман Александрович, – осуждающе качаю головой и хмурюсь слегка. – Нехорошо, пользуясь служебным положением, новых сотрудников запугивать.

– А кто тебе сказал, что я хороший мальчик? – Наклоняется ниже к моему уху, и его голос льётся в меня журчащей рекой.

– Ты со всеми своими сотрудницами танцуешь под блюз в полумраке?

Рома молчит, глядя на меня сверху вниз, а наш танец длится, плавный и на удивление гармоничный.

– Ревнуешь? – усмехается, блуждая сильными пальцами по моей спине, рождая толпы мурашек размером со стадо носорогов.

– Пфф, – фыркаю, отворачиваясь, и фокусирую рассеянный взгляд на саксофонисте.

Ему лет сорок, он строен, если не сказать subtilen, а седина в волосах серебрится в мягком свете, падающем на сцену. В маленьком зале потрясающая акустика, и звук отражается от стен, преломляясь, и становится почти живым организмом.

– Тебе нравится здесь? – отвлекает от размышлений голос Романа, а я киваю.

Нет смысла притворяться, и Рома удовлетворённо улыбается. Его кожа в странном освещении зала кажется золотистой, а лицо на этот раз тщательно выбрито. Литвинов вообще совсем другой сейчас, вовсе не похож на того дурашливого мужчину, с которым мы сидели у обочины. Сегодня он другой, сегодня другая я.

Я не знаю, куда это всё заведёт. С наступлением рассвета мы превратимся в сотрудников, между которыми тысяча табу. Нагромождение из служебных обязанностей, деловой этики, прошлого и настоящего, но сегодня мы оба немножечко не те, кем были ещё утром. Будто бы в полумраке растворяется всё, кроме пронзающего насквозь электричества.

– Ты часто здесь отдыхаешь? – обвожу рукой комнату, а Рома отрицательно качает головой.

– Не слишком... у меня вообще не так много времени для отдыха.

Как и у меня. Порой сил хватает лишь доползти до кровати, а на встречу с друзьями и культурные мероприятия их часто вовсе не остаётся.

- Признаешься, куда моего шефа дел?

Рома улыбается и кружит меня, придерживая за руку, а я смеюсь, когда мир вокруг слегка расплывается.

- Ты бы согласилась прийти сюда одна, без провожатого?

- Нет, - отвечаю без паузы, а Рома снова улыбается. - Так это был план?

- Именно. Коварный и хорошо продуманный план.

- Однако... и шефа моего впутал. Он же святой человек, а ты интриган, между прочим.

- Помнишь, я тебе говорил, что всегда добиваюсь своего?

Оставляю вопрос без ответа и понимаю, что мне не хочется злиться. Совсем не хочется, хотя следовало бы.

Я теряю счёт времени, а мы всё танцуем, мягко кружа под плавный мотив. О чём-то говорим - совсем не существенном, глупом, но этот разговор - первый нормальный между нами. Без желания уколоть или чему-то сопротивляться, без поисков потайных смыслов и двойного дна. Просто говорим о море и горах, животных и летящих над водой чайках, о любимых блюдах и спорте. Я рассказываю о сестре и её успехах в учёбе, о родителях что-то говорю, а Рома внимательно слушает, впрочем, ничего не рассказывая о своей семье. А я и не спрашиваю, потому что не имею привычки настаивать. Единственное, что удаётся узнать: он не женат, живёт один в пригороде, а больше ничего.

И когда кажется, что все темы для разговора исчерпаны, Рома задаёт вопрос, которого я никак не ожидала:

- Ты любишь гулять по крышам?

Глава 11

Роман.

Я обожаю выводить людей из зоны комфорта. В самом деле, нет ничего круче, чем видеть, как проявляется характер человека под воздействием разных ситуаций и адреналина. Манипулятор ли я? Нет, но испытывать на прочность границы дозволенного мне нравится.

Да и существуют ли вообще в этой жизни границы? Не-а. Всё, что не запрещено законом, можно и нужно попробовать. Жизнь-то одна, в конце-то концов, жалко тратить её на унылое прозябание в закрытой раковине.

Потому я пригласил снежную королеву именно в этот клуб – здесь, в полумраке залов, так просто сбросить маску и раскрыться. Мне просто хотелось посмотреть, как она будет вести себя, если останется со мной наедине в абсолютно непривычной для себя обстановке. А уж о том, чтобы мы остались только вдвоём я позаботился. Олег Борисович, хвала небесам, понял меня и даже, чёрт возьми, одобрил мою маленькую афёру. Хорошо всё-таки иметь дело с адекватными людьми.

Я держусь от неё на расстоянии – насколько вообще это возможно. Пытаюсь не торопиться, не гнать лошадей вперёд на полной скорости, но кто бы только знал, насколько трудно мне это даётся. Ксения, словно запертая на сотню замков шкатулка, и мне отчего-то необходимо вскрыть её, добраться до дна. Я уверен, что за арктическим холодом и безразличием прячется настоящий огонь. Возможно, он спит. Возможно, раньше просто некому было его разбудить, но я знаю, что он обязательно вспыхнет. И будет гореть ярко только для меня.

Поплыл, чёрт возьми, поплыл. И мне ни капельки за это не стыдно. И чем чаще она оказывается рядом, тем сложнее мне удерживать себя в руках. А ещё работать вместе... мать его, как не превратить свой кабинет в круглосуточный траходром? Ума не приложу.

Мне нравится наша игра, нравится добиваться – если я что-то в этой жизни и не выношу в бабах, так это приставучесть и доступность. Рыбки-прилипалы точно

не мой профиль. Рядом с ними я начинаю тосковать, мне становится душно и противно, будто бы я подстреленный на охоте зверь, с которого вот-вот снимут шкуру. Вот кому-то девственниц подавай, кому-то блондинок, а некоторым – крепко стоящих на ногах бизнес-леди средних лет. Мне же для счастья нужна та, которая не повиснет на моей шее сразу же после знакомства. Та, которую нужно будет завоёвывать снова и снова.

В Ксении сплелось всё, от чего я плыву рассветным туманом: красота, недоступность и ум. Ну, чёрт возьми, как тут устоять-то? Никак невозможно, потому сделаю всё, но она станет моей. В лепёшку расшибусь, но добьюсь снежной королевы.

– Ты точно сумасшедший, – смеётся Ксения, а я прячу её миниатюрную ладонь в своей лапичке и решительно иду к выходу. Главное, не спугнуть её смелость. Но у двери Ксения спохватывается и вырывает руку. – Куртка!

– Теряем время, – говорю, а Ксюша шустро накидывает на плечи чуть не забытую куртку, в которой она чертовски сексуальная, и через пару мгновений мы оказываемся в ещё более тёмном коридоре.

Сексуальная, да. Настолько, что у меня не только в трусах дымится, а и вообще я весь покрываюсь испариной, когда она оказывается в шаговой доступности. Я взрослый половозрелый самец, мне всегда есть с кем трахнуть – для нормального мужика, да ещё и с бабками, найти временную спутницу не проблема. Вон, хотя бы та блондинка из фитнес клуба. Помани я её пальцем, прибежит ведь, снимая одежду по дороге, чтоб время потом зря не терять. Не удивлюсь, если она вообще бельё игнорирует, когда задницей своей аппетитной крутит в разные стороны, поглядывая на меня периодически, томно опустив ресницы. Но разве это интересно? Ничерта в этом манящего и притягательного, лично для меня, нет. Другое дело Ксения...

Я знаю, что волшебство этого вечера, когда она расслаблена и спокойна, скоро растает. Ксения не сдастся без боя, будет сопротивляться изо всех сил, потому что просто не умеет проигрывать, не хочет быть слабой. Но ведь и я упорный – она просто ещё не знает, до какой степени.

Когда темнота коридора наваливается со всех сторон, я на мгновение замираю, а после, набрав полную грудь воздуха, делаю шаг вперёд. Когда-то врач сказал,

что мне нужно бороться со своими фобиями, а не прятаться от них за воображаемыми стенами. Потому я и люблю этот клуб: он помогает пересиливать страх темноты. И как бы ни было периодически хреново, я хожу сюда, чтобы отвлечься. И от страха в том числе.

Стыдно признаться, но здоровый взрослый мужик боится темноты. Ну и хрен с ним, никому не скажу, обойдутся без моих страшных тайн.

– Быстрее, – заявляю мрачным шёпотом и смеюсь, загоня свою дурацкую фобию и воспоминания о причинах её зарождения как можно глубже.

– Я же не спортсменка! Сумасшедший, я сейчас упаду, – уже хохочет снежная королева, а я крепче сжимаю её руку, чтобы не потерять в темноте.

Толкаю дверь, и мы оказываемся в холле, где, кроме нас, ещё парочка гостей.

Почти синхронно кладём свои номерки на стойку администратора, а Сергей, с которым мы знакомы лет десять, вежливо улыбается, отдавая нам наши мобильные.

– Готова? – спрашиваю, когда выходим на улицу, а весенний свежий ветер треплет тёмные волосы моей спутницы.

Нет, больше не могу, я должен коснуться её волос, иначе взорвусь.

Касаюсь упавшей на лоб пряди, а Ксения смотрит прямо в мои глаза и не мешая. Просто смотрит, будто бы ждёт моих дальнейших действий. Но я не тороплюсь – всему своё время.

– Такая красивая снежная девочка, такая недоступная, ершистая, – говорю тихо, накручивая отливающий медью локон на указательный палец. Запустить бы руку в волосы на затылке, оттянуть чуть назад, открывая тонкую шею и целовать, пока пощады не попросит.

Я уверен, что всё так и будет, нужно просто чуть-чуть подождать. На Ксюшу из кустов не выпрыгнешь. Чего доброго, поленом огреет. Как бы мой член не хотел её, голова мне тоже ещё пригодится.

- Мы так и будем стоять, да? - слегка улыбается, а я опускаю руку.

- Да, крыша... точно. Там хорошо, тебе понравится.

Лазить под самым небом я полюбил лет в восемь, и с возрастом моя страсть никуда не делась. На крыше, у самых облаков, всё кажется проще и легче.

- Можно лечь на спину и смотреть на звёзды, - говорю, ведя Ксению к своей машине.

- Вот как? Лечь? - В её голосе сквозит ирония, а я киваю.

- Стоя смотреть на звёзды неудобно, - уверяю, распахивая дверцу для Ксении.

Она фыркает, как рассерженный ёжик, и одним плавным движением оказывается в салоне. Интересно, она вообще понимает, как действует на меня? Ничерта она, похоже, не понимает. Просто делает что-то, от чего у меня давление поднимается, и член колом стоит.

Кладу одну руку на подголовник сидения, а вторую на приборную панель. Ксения поворачивает голову, смотрит на меня, а я наклоняюсь ниже, почти касаюсь носом её волос.

- Ты сегодня смелая, - произношу, вдыхая сладкий аромат с едва уловимой ноткой горечи.

Ксения молчит, но я слышу, как учащается её дыхание, делаясь глубже и прерывистее. Так, нужно хоть немного, но притормозить. Обязательно нужно.

- Ты же остановишь меня, если я начну терять берега?

- Даже не сомневайся, - кивает, и я понимаю, что не лукавит. Остановит, ещё как остановит.

Захлопываю дверцу, а звук кажется слишком громким. Через минуту занимаю водительское место, завожу мотор, торопясь скорее показать Ксении город с высоты птичьего полёта. Но на самом деле я пытаюсь хоть как-то потушить

кислотный пожар, выжигающий меня изнутри всякий раз, когда со снежной королевой нас разделяют какие-то долбаные сантиметры, преодолеть которые – пара пустяков.

– Куда мы едем? – спрашивает Ксения, когда машина развивает предельную скорость.

Господи, храни нас от алчных гайцов.

– Боишься, что я тебя в лес завезу и оставлю там? – слежу за Ксенией в зеркало, стараясь тем временем не слишком отвлекаться от дороги. – Я не настолько плохой мальчик, хотя... если подумать...

– Ты не можешь ничего не испортить, да? – спрашивает с мнимой строгостью, но в глазах лукавый огонёк блуждает.

– Я тебя смутил? Прости, я не хотел.

– Чёрта с два ты не хотел, – отрезает, но в голосе прячется смех.

К нужному месту мы добираемся минут за двадцать, а мне не терпится отвести Ксению на крышу. Там хорошо, там днём летают птицы, а ночами звёзды настолько низко, что кажется, достаточно всего лишь протянуть руку вверх и можно пригоршнями собирать их. А ещё в этом доме живёт мой старинный друг – один из немногих, кто терпит меня, несмотря ни на что. Потому у меня всегда есть свободный доступ на крышу этого дома – одного из самых высоких в городе.

– Подожди минутку, – прошу, доставая самое необходимое из багажника.

Плед и вино – то, что может понадобится этой ночью. Взял бы ещё презервативы, но нет, не сегодня.

Я не спрашиваю, ждёт ли снежную королеву кто-то дома – меня это не волнует. Я знаю, что у неё есть родители, знаю, что есть сестра – Ксюша рассказывала об этом во время танца. О чём-то ещё думать отказываюсь. Она не замужем и этого более чем достаточно. Есть ли у неё кто-то... тот, кто имеет полное право

любить её тело, целовать до головокружения? Я не в курсе и, если честно, вникать не собираюсь. Этой ночью она со мной, а завтра будет новый день и новые возможности растопить толстые льды.

Боюсь ли я конкуренции? Хрена лысого.

– А ты, я смотрю, подготовился, – замечает, указывая рукой на большую спортивную сумку в моей руке.

– Я ещё тот стратег, – подмигиваю и взмахиваю рукой в сторону входной двери в подъезд. Не хочу тратить время на пустые разговоры.

Ксюша лишь хмыкает, а я кладу руку на её талию и слегка подталкиваю в сторону входа. Она не спорит, идёт, послушная, и, спустя пару минут я нажимаю на кнопку вызова лифта.

– Ты же знаешь, что маньяки очень любят приставать к женщинам в лифтах? – интересуюсь, а Ксюша кивает. На меня не смотрит, словно боится то ли расплакаться, то ли рассмеяться. Мне нравится, как она смущается после моих слов, хотя всеми силами пытается мне этого не показать. – Не боишься?

– А ты будешь ко мне приставать?

Когда за нашими спинами две створки съезжаются, и лифт трогается, я ставлю свободную от сумки руку рядом с головой Ксении, а она замирает, опираясь спиной о стену.

– Ты же понимаешь, что делаешь со мной? – спрашиваю без надежды на ответ. Это риторический вопрос, но Ксюша говорит:

– Я ничего не делаю... совсем ничего.

– Ты просто существуешь, и этого уже достаточно.

– Лёгких путей не ищешь, да? – Она очень серьёзная сейчас, а я пытаюсь понять, что она чувствует, но это сложно – слишком Ксения закрытая.

– Когда легко, скучно.

Лифт возносит нас на последний этаж за считанные секунды, а я борюсь с искушением нажать на большую красную кнопку, останавливая бездушную кабинку. Интересно, если я так сделаю, снежная королева меня по яйцам или по морде двинет? Или просто окатит ледяным презрением?

Створки услужливо разъезжаются, а я беру Ксюшу за руку и утягиваю за собой на просторную лестничную площадку. Здесь светло и очень чисто, а тишина такая плотная, что можно на куски резать и к столу подавать вместо еды. Чёрно-белая плитка под ногами, как костюм арлекина, а стены белоснежные и, что удивительно, ни единым матерным словом не испорченные. Образцово-показательный подъезд, не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/manilo_lina/polyn-i-med

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)